

Екатерина Дей

Амир

Часть VII

Екатерина Дей
Амир. Часть VII

«Издательские решения»

Дей Е.

Амир. Часть VII / Е. Дей — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906740-1

Последняя часть из серии книг Екатерины Дей «Амир» в жанре любовного фэнтези о любви Тёмного и вождя хасов Амира и человеческой женщине Рине.

ISBN 978-5-44-906740-1

© Дей Е.

© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

54

Амир Часть VII

Екатерина Дей

© Екатерина Дей, 2018

ISBN 978-5-4490-6740-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Подготовка к встрече с Хранителем происходила без меня. То есть я присутствовала в сонном состоянии в спальне. Амир решил – достаточно с жены нервных переживаний, один разговор о мудрой женщине чего стоит, и, недолго думая, уснул.

Фиса разбудила меня утром того дня, когда заканчивались те самые сорок восемь часов, которые назначил Хома.

– Поднимайся, лебёдушка, времечко пришло.

– Какое... Фиса... идём, да?

– Идём, милая, идём.

Я сразу всё вспомнила и сладко потянулась – всё будет хорошо. Хома хороший парень, он со мной хочет просто поговорить за жизнь. Фиса только головой покачала, а я сразу спросила:

– Кто с нами поедет? Мари здесь? Виктор?

– Не мельтеши. Вождь ишо не возвратился.

– А куда...

– Не отчитался вот мне!

Ведьма хлопнула себя по бокам и отвернулась к окну. И что опять произошло, пока я спала?

– Фиса, говори.

– А что говорить-то?

Она уже одумалась и изобразила на лице умильную улыбку.

– Фиса.

Последовал тяжёлый вздох, и Фиса присела на краешек постели.

– Фиса.

– Родю с ловушками отправил.

– Куда?

– Да к этим... Собирателям.

– Зачем?

– Возвратил всех.

– Всех... а их что, много было?

– Дак коробок энтих не хватало! Налетели коршуны! Как унюхали, что...

И крепко сжала губы, спрятала глаза, но отворачиваться не стала – сказала и сказала, чего уж теперь.

– Что не могут проникнуть в мой сон?

Фиса закивала головой, на всякий случай ладошкой прикрыла себе рот, и так опять много наговорила. Я медленно встала, и мой задумчивый вид встревожил её, она сразу встрепелась:

– Ты, голубушка, не думай об них, выловили всех, Родя и возвратнёт, мол, заберите свое добро, нам оно не надобно.

– А может, они что-то хотели мне сказать?

– Сказать?! А ты мысли не держишь, что от сказанного... едва спас тебя Хома, а ты опять?!

Я вздрогнула от крика Фисы, действительно – не проснулась ещё, раз такие мысли посещают.

– Фиса, я...

– Дурында!

– Она самая.

Появившийся Виктор усмехнулся и поздоровался:

– Доброе утро.

– Изыди! Не видишь, не прибрана жена вождя, опосля придёшь.

Ну, да, теперь в ночной рубашке неприлично перед ним стоять, хотя всего скорее Виктор явился выяснить, что за крик такой в спальне жены вождя. Но на удивление он не ушёл, демонстративно отвернулся лицом к двери и доложил:

– Рина, ловушки – это те самые аппараты, которые мы забрали у Акиро. Некоторые умельцы их модифицировали и теперь они могут ловить послания Собирателей.

Ну, можно же сказать нормальным человеческим языком! А вождь наговорил умных словечек и веселился над глупой человеческой женщиной. Я накинула на себя халат, не будем сердить Фису, да и вождю тоже надо сохранить настроение перед важной встречей, и подошла к Виктору:

– Значит, это не сами Собиратели?

Виктор сначала мельком глянул на меня, убедился, что можно смотреть, раз я успела прибраться в халат, только потом ответил:

– Нет, это энергетические послания, но очень мощные по своему воздействию на твой организм.

Фиса сразу подскочила к нам и указуя ткнула пальцем в мою неразумную голову:

– Вот!

– Фред едва выжил.

– Что?!

– Амир решил выяснить, что в них записано, и он предложил себя в качестве экспериментального человеческого тела. Вместо Мари.

А вот этого Фиса не знала, глаза выкатились из орбит, и она смогла только прошептать:

– Машенька...

– Амир сразу ей отказал, и Фред убедил его использовать себя.

И какие у меня могут быть нервы? Слово это надо забыть, не говоря уже о том, чтобы воспринимать себя как обычную женщину, у которой они могут быть в принципе.

– Где Фред?

– Рина, с ним всё хорошо, его Вито уже подлатал.

– Под... что? Виктор!

– Завтрак для тебя приготовил его брат. Он тоже хороший повар.

– Веди...

– Рина, Амир скоро вернётся, и мы сразу поедem к Хоме. Ты же хочешь с ним поговорить?

Чуть ироничный взгляд показал – вряд ли вождь будет доволен, узнав, что я ходила навещать пострадавшего за меня повара.

– Я покажу Фреду эту запись. Как ты за него волнуешься.

Он прав, ходить мне к нему перед встречей с Хранителем нельзя, ясно – Фред понимает, что за разговор у меня предстоит, и только будет волноваться. Я уточнила:

– Где камера?

– Везде.

Коротко и ясно – прозрачная жизнь. Я отошла от него и встала у окна, через несколько вздохов заговорила:

– Фред, я благодарна тебе за твой подвиг. Спасибо... я... ты спас меня, как всегда спасал... мороженым своим, вкусностями разными, своим ко мне добрым отношением. Выздоравливай скорее.

Приложила к губам ладонь и послала неизвестно куда воздушный поцелуй. Сразу последовала реплика Фисы:

– Ишь ты, чего надумала... а красиво... Федя, я уж такого выделять не стану, это у нас некоторые такую красоту изобразить могут, токмо и моя благодарность за Рину, да за Машеньку.

И Фиса по-крестьянски поклонилась в пояс. Виктор изумлённо наблюдал за нами и ничего не смог сказать, только головой покачал. А я заявила:

– Бассейн и завтрак.

Фиса тут же стала выгонять Виктора:

– Иди, милок, ожидай вожда, покудова Рина красоту для Хомы наводить будет.

– Рина, позволь с тобой поговорить.

Я догадывалась, о чём собирался со мной говорить Виктор и решительно отказала:

– Виктор, ты ни в чём не виноват...

– Рина, моя задача...

– Ты её исполнил... выполнил. Я слышать ничего не хочу. Фиса, пошли купаться.

Но Виктор встал передо мной и строго взглянул на Фису, она кивнула и вышла из спальни.

– Виктор...

– Рина.

Мгновение и он уже стоял на коленях передо мной.

– Я не выполнил своей задачи по твоей охране.

– Выполнил! Виктор, я не вождь...

– Вождь может сам за себя постоять. Ты – человек.

Вот это да! Я даже замолчала в изумлении, ничего себе заявление выдал. А Виктор опустил голову и глухо произнёс:

– Вождь прав – я не достоин...

Наконец, я обрела дар речи и неожиданно для себя крикнула:

– Ну, вот, теперь разбежитесь все, да?! Как недостойные! А кто со мной к Хоме пойдёт? Тебе будет легче, если я тебя стукну... или выпорю ремнём? Легче?

А сама уже готова была хихикать от выражения лица крутого великолепного, он округлил глаза и смешно опустил губы от такой перспективы.

– Вот! Буду вас всех пороть... этим, как это... вицей! Фиса! Неси вицу!

Виктор осторожно уточнил:

– Вица – это что?

– Ага! Испугался! Вот и помни, если что...

– Пори его, можешь и мне тоже наказание назначить, я всегда готов.

В дверях стоял довольный улыбающийся Олаф. Я строго предупредила:

– Всем достанется. Я не вождь, моё наказание покруче будет.

Фиса прошмыгнула мимо Олафа и махнула кулачком:

– И чего явился-то, ишь чо надумал! Да заслужить наказание-то надобно, чтобы жена вождя вас ручкой своей белой порола!

Не выдержав строгого выражения лица, я хихикнула, вот вам и ведьма, теперь они будут наказание заслуживать, а тогда кто меня будет охранять? Фиса кинула на меня грозный взгляд:

– А ты чо хихикаешь? Этим балбесам лишь бы с тобой словечком перекинуться, да оком бесстыжим глянуть! Брысь отседова!

Виктор вскочил с колен, но я его остановила, пока не исчез:

– Подожди.

Какая же я маленькая рядом с ними, и как они все здесь помещались? Да ещё с Робертом и Вито. И пространство для вождя осталось.

– Я вам верю, всегда верила и сейчас верю. С вами ничего не боюсь.

Они рухнули на колени и склонили головы.

– Да идите уже! Охрану исполняйте, заслуживайте наказание!

– Фиса!

– Вождь явится, а ты немытая!

Фиса была непреклонна, даже ножкой топнула, и ироды исчезли.

– Ишь придумала, вицей... да этих хоть деревом целым... токмо вождь и может приструнить. Ты смотри, слабину им не давай, мужиков в строгости держать надобно, а то они...

Но не смогла придумать, что с ними произойдёт от моей моральной слабости, как жены вождя, да ещё такого, и приказала мне:

– Иди уж, булькайся.

Пока я плавала в бассейне, тёмная фигура кого-то из великолепных стояла у выхода, но не подошла ближе, не издала ни звука, чтобы я могла понять, кто это. Фиса бдила строго, грозно посматривала на неё, но не изгоняла, охрана должна быть постоянно, ведь со мной надо ухо держать востро, мало ли кто может покуситься на мой разум. Да и сама тоже – та ещё штучка.

В столовой на диване сидел Амир и говорил по телефону. Разговор был серьёзным, судя по напряженным глазам и по тому, что Амир его не прервал, хотя чувствовал моё приближение. Он улыбнулся мне, сверкнул голубым взглядом, но продолжил говорить на своём странном языке. И на его галстук опять сверкал камень тайных знаний. Был у Собирателей?

Мы с Фисой быстро поели, кстати, еда была вкусной, брат Фреда действительно готовит хорошо. Когда я уже пила какао, а Фиса свой травяной чай, Амир закончил разговор и ослепительно мне улыбнулся:

– Доброе утро, Рина.

– Доброе. Когда едем?

– А как будешь готова, так и поедем, Хома ждёт тебя.

– Ты его уже видел?

– Встретились.

Он чему-то рад, весёлый взгляд был ясен и честен. И Фиса решилась спросить:

– А Родя уже доставил посылку-то?

Вождь не посчитал зазорным ей ответить:

– Доставил, уже возвращается.

Странная улыбка заиграла на губах вождя, и мы с Фисой напряглись – явно вождь что-то придумал. Но Амир не стал ничего говорить, встал и выдал приказ:

– Пять минут на переодевание. Платье ждёт в спальне.

– Платье?

Я только хлопнула глазами, а Амира уже не было.

– Чой-то задумал...

– Ага...

Когда Олаф открыл коробку, мы с Фисой рухнули на постель. Он ожидал нас у двери и таинственно подмигнул мне.

– Олаф...

– Платье принёс.

А сейчас стоит и любуется нашими вытянувшимися лицами. В коробке лежал мамонт в драгоценностях.

– Ой... да... Лесь, а зверь откедова... я знать такого не знаю...

То, что произнёс Олаф, в моей женской памяти никак не отозвалось, никаких тебе соболей и норок. Одним словом – мамонт. Длинная пятнистая шерсть заполняла всю коробку.

– Платье? Олаф, это – платье?

Он хмыкнул и выразился точнее:

– Женская одежда.

Фиса решительно вздохнула и поднялась:

– Иди отсель... наряжать Рину будем.

– А вот и платье!

Мари появилась стремительно и сразу наклонилась над коробкой:

– Красиво... Рина, тебе будет тепло и шубки не надо.

Вот это верно, какая ещё поверх этого может быть шуба? Я испуганно вздрогнула, ни за что не надену это безобразие на себя. Но Мари подняла на меня глаза, весело усмехнулась и приказала Олафу уходить. Он несколько обиженно скривил губы, Фиса даже бровки подняла, неужто надеялся пуговицы застегнуть?! Мари повела глазами совсем как вождь, Олафу ничего не оставалось, как исчезнуть. Фиса возмущённо хлопнула руками по бокам:

– Вот ирод!

Общими усилиями они достали произведение мехового искусства, и я ужаснулась – я там потеряюсь, если только мы втроём, а может и ещё какой ирод поместится. Мари хитро на меня посмотрела и хихикнула, а Фиса ещё более откровенно высказалась:

– Вот ирод, сюды хотел забраться, к жонке вождя поближе.

И мы дружно расхохотались, непрост Олаф, ой непрост. Мари махнула рукой, ему же хуже, Амир всё увидит и объяснит неразумному, на какое расстояние он может подойти к жене вождя.

Я стояла перед зеркалом и пыталась понять, на кого похожа в этом невероятном одеянии из непонятого зверя. Как-то она у северных народов называется, хотя там просто плащ с капюшоном из оленьих шкур, а это... конверт с ногами. Камешки висели на полосках из кожи и ярко поблёскивали на пятнистой шкуре.

– Шаманка.

Фиса изрекла определение и кивнула головой:

– Точь как точь – шаманка.

Послышалось длинное слово, и мы оглянулись – в дверях стоял Амир. Он встал рядом со мной и широко улыбнулся:

– Ты ослепительно выглядишь.

Ужас – меховой колобок рядом с прекрасным принцем. Я подняла на Амира глаза, а он подхватил меня на руки и приказал:

– Едем.

В машине я спросила Амира:

– Это что за зверь? И почему именно он?

Амир повторил непонятное слово и выдал страшную тайну гномов:

– Эти животные живут в горах со времён...

Хитро посмотрел на меня и чмокнул в щёку.

– Давно. Человечество считает их вымершими, но гномы иногда ловят. Это платье – подарок от Сарвана.

Я кивнула, и капюшон упал мне на лицо, Амир тихо засмеялся и приподнял его.

– Тебе смешно...

– Ты удивительная красавица.

– А зачем я его сегодня надела?

– У этих животных есть одно свойство – их шерсть не пропускает энергию. В пещерах их практически невозможно обнаружить. А в камнях энергия великолепных.

– Сам Сарван его поймал?

– Да.

Сорок восемь часов, большую часть из которых я проспала. А мне и зверя поймали и прикид пошили.

Мы приехали в другое место. Красивый берег моря, никаких скал, ровное пространство, вдалеке даже виднелись какие-то строения. Трава весело зеленела, местами росли высокие кусты, покрытые большими белыми цветами. С неизъяснимым удовольствием я втянула в себя воздух, наполненный ароматами моря и цветущих кустов. Ветра не было, и море ласково ложилось на жёлтый от солнца песок.

– Красота...

– Скоро будешь купаться в море.

Мой взгляд получился тоскливым, и я сразу опустила глаза. Никто не знает, что со мной будет через секунду, а уж о купании в море я даже не загадываю. Амир нежно прижал меня к себе и сразу прозвучал жёсткий приказ:

– Готовность.

Рядом с нами оказались Мари с Сержем. Я обеспокоенно взглянула на Амира и он сразу понял, о ком я хочу спросить:

– Анфиса в другом месте.

В другом, так в другом, вождь лучше знает, где ведьма нужнее. Мы встали спиной к морю, и я сразу догадалась – где-то рядом Вера, Надежда и Любовь. Они основа нашей жизни.

Хранители появились ниоткуда, просто оказались в нескольких шагах от нас. Три серые фигуры на фоне зелени кустов. В центре стоял Хома с веточками на петлице. И он заговорил первым:

– Приветствую тебя, Рина, человек.

И никакой жены вождя. Интересно, почему вдруг я стала свободной человеческой женщиной? А с остальными вообще здороваться не будет?

– Только разговор. Рина, человек, информация для тебя. Никого рядом.

Я ответила сразу:

– Нет. Разговор со всеми.

– Только человек.

– Амир, мы уходим.

Удивительно, но я совсем не волновалась, говорила спокойно и уверенно. Может, так костюм на меня подействовал, а может, ослепительная улыбка Амира в столовой и его уверенный весёлый взгляд перед зеркалом. С ним я ничего и никого не боюсь. И моя уверенность сработала – как только Амир повернулся, чтобы уйти, прозвучал голос Хома:

– Амир. Жена и человек Рина – цель Собирателей.

Вот и женой Амира признал, я сразу спросила:

– Почему я? Ведь их интересует София?

– Нет. София – результат эксперимента. Цель – Рина.

Амир повернулся к ним и спросил:

– Задача?

– Проведение экспериментов.

– Со мной?

– София – первичный результат. Промежуточный.

И тут на шаг выступил стоявший справа от Хома Хранитель, произнёс глухим, едва слышным голосом:

– Человек. Ведьма. Тёмный. Хранитель.

А зачем он всех перечислил? Пока я пыталась это понять, рядом сделал шаг Серж, но Амир его опередил:

– Эксперимент по соединению энергий?

– Да. Всех видов энергий. Три – София.

Тёмный Амир, ведьма Анабелла, человек – я. Осталось только энергию Хранителя добавить. Но почему я – цель? На этот вопрос ответил тот, кто стоял слева:

– Энергия Хранителя через человека – Рина.

А они не хотят создания такого монстра, на самом деле они пришли за помощью к Амиру. Но почему вдруг разговор только со мной? А потому, что знают – Собиратели проникли в моё сознание.

– Вы знаете, что Собиратели мне снились?

– Сознание человека – полное подчинение Собирателям.

Ну, в этом он ошибается. Мало того, что Амир ловушек наделал, так ещё и я сама уже стала относиться... а давно ли? И полностью? А вдруг я на самом деле им подчинена?

– Мы можем определить воздействие на человека Рину Собирателей.

Вопрос Амира был логичен:

– Каким образом?

– Обследование.

– Каким образом?

– Нет повреждений организма. Энергия.

Хома отвечал на вопросы Амира тем же тоном без эмоций, да и в жёлтых глазах ничего не менялось. И вдруг вперед выступила Мари:

– Хома, сначала покажите на мне способ обследования.

– Мари! Ты что, не смей!

Но она даже не оглянулась на меня, вытянула руку вперед. А Хома отступил на маленький шаг и сразу отказал:

– Нет. Энергия не соответствует.

Чтобы уже больше не дать возможности никому совершать подвиг вместо меня, я заявила:

– Хорошо. Обследуйте.

– Нет.

– Амир, это же только энергия, никто мне не...

– Нет.

Тон Амира был таков, что я не посмела перечить, мало ли по какому поводу он не согласен. И оказалась права, Амир тем же тоном продолжил:

– Никакого контакта. Энергию передадут мутанты. Я видел ваши возможности.

– Повторения не будет. Нет повреждений организма.

– Повторения не будет.

Амир высказал своё мнение, развернулся и пошёл в сторону машины. Неожиданно перед нами появился Хома.

– Амир. Есть предыдущая энергия.

Он протянул руку и в его ладони появился маленький голубой шарик.

– Консервация.

Руки Амира заледенели, я это почувствовала даже через свой меховой скафандр. Но голос был спокоен, когда он ответил Хоме.

– Я был там и всё видел. Энергия Рины – её жизнь.

– Нет повреждений организма.

Мне показалось, что голос Хома изменился, стал звонче, в нём проявилась тональность. И Амир ответил на это изменение:

- Ты один с её энергией. И не отвечаешь за остальных Хранителей.
- Сохранённая консервация.
- Нет.

Мы оказались в машине, и она рванула с места сразу на сумасшедшей скорости. Олаф вёл машину так, что она летела над асфальтом. Амир произнёс несколько слов, и он отчитался перед ним двумя длинными фразами. А я вся скукожилась, заledenела в своём меховом скафандре. Амир почувствовал моё состояние:

- Рина, как ты?
- Это энергия королевы?
- Да.
- И ты видел... как...
- Видел.

Он обернул меня в свои руки и жарко задышал в лицо:

- Никогда, я не позволю никому, слышишь, никому...

Амир касался моего лица своими горячими губами и шептал слова любви, грел собой, своей энергией. Потом достал мои руки из меховых рукавов и поцеловал каждый пальчик. А я, согревшись, решила на вопрос:

- Это так страшно?
- Не думай об этом.
- Скажи...
- Страшно.

Я прислонилась к нему и опять сжалась в комочек. Королева всё это перенесла, и теперь Хома хранит часть её энергии в консервированном виде. Они её всю хотели законсервировать вместе с Глебом.

- И Глеб пострадал?

Амир усмехнулся, но честно ответил:

- Да.

Какова же тогда сила, если даже Глеб ничего не смог сделать?! И эту Силу Собиратели хотят... никогда! Я подняла глаза на Амира и он сразу забеспокоился:

- Рина...

– Мы не отдадим им Софию. Если они смогут... и снова придут в мой сон, я им... всё скажу словами Фисы.

Амир видимо ожидал чего-то другого, потому как синева не сразу проявилась в тёмных глазах, но вот он улыбнулся и спросил:

- А ты их знаешь?
- Знаю.

Подумала и добавила:

- Выучу.

Не буду же признаваться, что Роберт уже успел их услышать в моём очень эмоциональном мысленном исполнении. Амир засмеялся и прислонился ко мне щекой.

- Хорошо, говори.
- Амир... не отдадим же?
- Нет.

Мне зачем-то понадобилось уточнить у Амира, сама не знаю, почему я вдруг засомневалась. Хотя почему не знаю, очень даже знаю, только не хочу себе в этом признаваться. На самом деле Амиру легче убить Софию, и тем самым хотя бы на некоторое время обезопасить меня от Собирателей. Или показать им, что он убьёт любого, кого они создадут. И не отдаст меня

никому на разные опыты. Тем более, что я спросила: «отдадим», не допуская возможности даже думать о том, что он может её убить. Амир понял тайный смысл моего вопроса и сразу на него ответил:

– Я спрятал Софию глубоко в пещерах. С ней Сарван.

Сарван везде успевает. У них, наверное, в сутках часов больше, ага, особенно в сравнении с теми, которые спят теми самыми сутками.

– А Яна и Алекс?

– Они с сестрами.

– Ты их разделил?

– Да. Все в разных местах.

– Две... а третья с кем?

– Сэм.

Значит, с дядюшкой уехала.

– А Сарван справится с Софией?

– Я ей показал, что произошло с королевой, когда Хранители пытались забрать у неё энергию.

Она же ребёнок, маленькая девочка! Но я ничего не сказала Амиру, удержала в себе возмущение. Он прав, абсолютно прав – девочка должна понимать свою силу.

– Ты знал, что собираются сделать эти...

– Нет.

– Хома тебе не сказал?

– Нет.

– Ты на всякий случай готовился?

И зачем я спрашиваю? Амир всегда ко всему готовится. А так как не верит Софии, то убирает её сразу, как только возникает хоть малейшая опасность для меня. Амир честно ответил:

– Готовился.

– Ты поможешь Хоме?

– Я?

Изумление было совершенно искренним, и машину слегка вильнуло в сторону – Олаф тоже удивился.

– Конечно. Только ты можешь остановить этих... мелких.

– Кого?

– Ну... они ещё совсем дети, не понимают, что творят.

– Их внешний образ в твоём сне ни о чём не говорит. Их никто не видел.

Амиру не понравилось моё оправдание, он отвёл глаза и плотнее завернул меня в шкуру мамонта. Но я не уступала:

– Они как София... чему-то научились, вот и смешивают ингредиенты по вкусу. Понимаешь, они на самом деле спасали Софию... плакали. А потом... а потом увидели, что она стала такая интересная, столько всего может...

Картинка перемешанной еды в Испании стояла перед глазами, и я попыталась объяснить Амиру своё видение ситуации:

– София... нет, не так. Волна энергии изменила и Собирателей... подожди, что-то я неправильно думаю.

– Отдохни, тебе надо поспать.

– Амир. Я тебе скажу, а ты думай. Ты вождь. Так вот, эти дети... ты же говорил, что этих детей, которые будущие собиратели ищут... они проходят испытание и становятся Собирателями. Правильно?

Недовольный кивок высказал мнение Амира о моих размышлениях, но я уже не могла остановиться:

– Это другие Собиратели.

– Как это – другие?

– Те, кого подняла волна энергии... они уже сразу имеют Силу... или что там они имеют. А законов не знают. Они испытание ещё не прошли, с ними никто не занимался.

Ещё одна мысль пронеслась в голове, и я сразу её сказала, чтобы не забыть:

– Ты встречался с теми, которые... как сказать... официальные, настоящие. Вот им нужна София, а этим действительно нужна я. Ложка.

– Ложка?

– Ну да, та ложка, которая перемешает все ингредиенты.

2

Удивительный всё-таки у меня муж. И за что мне такое счастье? Когда мы приехали домой, он сразу перенёс меня в спальню, снял меховой скафандр и долго плавал вместе со мной. Ни слова о Собирателях и Хранителях – только я. Удивительная и самая прекрасная в мире я. Может быть, те несколько слов, которые он сказал Олафу, выходя из машины, и были важными заданиями, но больше никто нас не беспокоил.

И даже ночью муж не ушёл. Я сразу открывала глаза, как только он начинал шевелиться, не важно, хоть мизинцем двинул. Амир едва слышно спросил:

– Тебя что-то тревожит?

– Нет... не уходи.

Всего скорее, он понимал, что я жду сна с детьми, и только в его руках чувствую себя спокойно. И никуда не ушёл. Амир обнимал меня руками и обернул своим гигантским телом, я была в коконе его энергии, тёплой и очень уютной. Дети не приснились, но спокойно я уснула только под утро.

А в обед к нам попросился Хома. То есть я завтракала, а муж держал меня на коленях, смотрел умильным взглядом и отказывался отвечать на вопросы о Собирателях.

– Амир, скажи откровенно, я же права?

– Не знаю.

– Мало информации?

– Мало.

– Ты кресло в кабинете не устанавливай, я всего лишь высказала своё мнение.

Взгляд вождя продемонстрировал, что мнение женщины в гареме вообще-то ничего не значит, но он его выслушал. А хозяина гарема больше интересует нежность кожи его женщины, что и доказывал, постоянно поглаживая своей горячей ладонью отдельные части моего тела. И вдруг замер, рука остановилась на моей коленке, медленно поднялась, и он встал, пересадил меня с колен.

– У нас гости.

– Гости? В доме?

Усмешка была такой жёсткой, что изменилось всё лицо – вождь на тропе войны.

– Твой друг пришёл.

– Мой друг? Хома?

– Ты его ждала?

Понятно, что шпионов и в гареме поймают.

– Не то чтобы ждала, но догадывалась, что... вы же не договорились, а он должен тебя убедить им помочь. Ему.

– Ему?

И взгляд стал соответствующим. Ревность двигатель прогресса – Амир пойдёт на встречу только чтобы выяснить, почему Хома так стремится встретиться с его женой. Ну да, ревновал же к кузнечику со смешным именем Фавн.

– Только у него энергия королевы... подожди, ты же говорил, что они сообща думают...

– У Хранителей объединённая энергия.

– Ну! А Хома смог от всех энергию королевы спрятать! Зачем? Почему ни с кем не поделился? Законсервировал и держит в собственном кармане... что-то не так... только я не понимаю...

И понимать мне сие не следует. Амир мрачно на меня посмотрел, но доложил:

– Хранитель проявился демонстративно, ждёт встречи со мной.

– Вот видишь! Ему сейчас нужен ты. А я... ещё посплю... можно?

Эта идея ему понравилась, но усыплять не стал, нежно поцеловал и исчез. Я посмотрела на костюм в кресле и вздохнула, хорошо, что они двигаются так быстро, никто и не заметит, что вождь-то голый.

Но уснуть больше уже не смогла. Особых мыслей не было, только воспоминания проявлялись перед глазами. Так необычайно изменилась моя жизнь, а я вроде ничего особенного и не делала, не успевала думать и что-то осознанно решать. В своей прошлой человеческой жизни я сто раз передумывала мысль, долго ходила с ней, но и после этих дум могла ничего не решить. Только чемодан мужа выставила в один момент и оказалась права – жизнь изменилась. А в этом таинственном мире не думаю ни о чём, сразу что-то говорю, иногда устраиваю истерики, почему иногда, получается всегда. А эти удивительные существа слушают меня... и чем-то даже восхищаются. И муж оказался невероятным, на самом деле это он добивался меня, шаг за шагом шёл к моему сердцу. Тот самый ужасный ирод, которого так боится Лиза. Она его боится, его физических возможностей, хитромудрости и жестокости. Наверное, она и своих сыновей боится, поэтому и не находит с ними общего языка чтобы помочь в их жизни иродов.

Я встала и подошла к окну, море спокойно разлеглось синим одеялом и грелось под лучами солнца. Мой взгляд упал на костюм Амира, и я поняла, почему думаю такие мысли. На самом деле я ложка, которая должна перемешать различные виды энергии у этих невероятных существ. И самое важное во мне то, что я их не боюсь. Не вижу в них никаких ужасных монстров, они для меня все как я – то есть ничем от меня не отличаются. Никакой скалистости этих гигантов, смотрю снизу вверх и не вижу невероятной силы, только глаза и улыбку. И в мутантах не вижу их отличительной внешности, всего несколько часов общения в столовой, и я уже не видела растекшегося по дивану петушка, только слышала приятный голос интересного собеседника. Вот что нужно Хоме – кусочек моего отношения к этому миру. У него уже есть энергия королевы, которая не испугалась конкретно их и боролась за свою любовь. А теперь наши энергии вместе должны спасти тех, кто только рождается в этом новом мире с новой энергией, они должны... должны уметь обращаться со своей силой. Понимать её. А для этого их надо правильно перемешать. Мной. Ну, не совсем мной, а как-то через меня.

Фиса влетела как фурия и сразу быстро заговорила шипящим рассерженным звуком:

– Почто мужа так обидела?

– Какого мужа?

– А у тебя их сколько?! Тоже гарем устроила?!

– Я его не обижала... он с Хомой пошёл встречаться...

– Так я и говорю!

– Фиса, он сам пошёл, я его не гнала...

– Так энто ты его позвала!

– Хому? Нет, не звала. Он сам пришёл.

Мой невинный взгляд и уверенное выражение лица немного успокоили Фису, и она села рядом со мной на пол. Я решила сама пойти в наступление, чтобы остановить Фису в очередных обвинениях:

– А ты сама где была? И почему решила, что я обидела Амира?

Она опустила голову и задумалась, а я сразу догадалась – говорить о том, где была ей нельзя, а об Амире не очень хочется самой.

– Они что, с Хомой ругаются?

– Кабы так!

– Дерутся?

Фиса аж подпрыгнула, а я улыбнулась, чем вызвала очередной гневный выпад:

– Да что наговорила-то? Почто меж ними...

– Я ничего не говорила... Амир меня к Хоме ревнует.

– Ревнует? Как это?

– А так. Возмутился, что Хома сам ко мне пришёл, не поверил, что он к нему за помощью обращается.

– Хома?

– Да. И помочь ему могу только я.

Фиса запуталась, но кивнула, потом пожала плечами и уточнила:

– Так кто – ты али муж?

– Я. Но помогать будет Амир.

И сразу пронзительный взгляд ведьмы, которая всё поняла.

– Сказывай, чего надумала.

– Пока не надумала... так мысли...

– Рина, изрекай...

– Ты лучше скажи, где ты была...

– Далече. Изрекай.

– Так они не дерутся?

– Рина!

Но я молча склонила голову, и Фиса была вынуждена ответить:

– Родя с Сережей как стена рядом, а муж твой аж руками махнул перед носом-то... в таком гнев... в гнев он, Рина, муж твой в сильном гнев.

– Фиса, он поймёт. Я с ним поговорю, и Амир поймёт.

– Да о чём говорить-то будешь?!

– О детях... Собирателях.

– Неужто... не лезь!

Я кивнула и улыбнулась, а разгневанная Фиса не смогла ничего сказать на мою робкую улыбку. Если бы я стала её горячо убеждать в своей правоте, приводить логические доводы, то она так же эмоционально высказала своё мнение, а на мой задумчивый взгляд не нашлась что сказать. Вздыхнув, я решила изменить тему разговора – пока Амир не вернулся, говорить бесполезно, только Фису расстраивать:

– Фиса, давай готовиться к свадьбе.

– Свадьбе? Какой такой свадьбе?

– Мари и Вито, вашей с Родей, да и Яну с Алексом тоже давно пора поженить.

– А уж... этих куда денем?

– Кого?

– Да хмырей в саду... в твоей бошке-то которые мельтешат?

– Никто уже не мельтешит, разбежались все... никто не приходит.

– А ты и исстрадалась вся!

– Фиса, что тебе подарить на свадьбу?

– Рина.

Фиса смущённо опустила голову, что мне и требовалось:

– А платице Родя тебе уже прикупил?

Она кивнула головой и смутилась так, что лица не стало видно, не выдержала, прикрылась ладошками.

– Я же хочу на вас таких красавиц всё-таки успеть посмотреть! А перед Мари и Вито уже совсем стыдно, всё из-за меня откладывают и откладывают. Амир вернётся, и назначим дату.

Фиса вдруг подняла голову и взглянула строгим тревожным взглядом:

– Что удумала?

– Свадьбу... только её дома будем отмечать, посидим, песни попоём. Фред вкусностей наготовит...

Маленькие жёсткие пальчики обхватили мою руку, и грозный голос ведьмы прогремел на весь дом:

– Амир! К жене возвернись!

– Фиса... что случилось... Амир занят, зачем ты его зовёшь?

Но она не слушала меня, крепко держала за руки, как будто я могу сейчас исчезнуть неизвестно куда, просто испариться легким туманом. В дверях проявился Олаф и почти сразу Амир, я только растерянно подняла на них глаза:

– Амир... я...

– Хватай, лебёдушку, да крепко в руках держи... разумом тронулась!

Амир действительно схватил меня на руки и прижал к себе, а в спальне проявились почти все великолепные вместе с Робертом и Вито. Я попыталась возмутиться, но не успела, муж начал раздавать команды и постепенно все разошлись по приказам – кивнут головой и исчезнут. Когда мы остались только с Фисой и Олафом я, наконец, воскликнула:

– Фиса! Что случилось?! Каким разумом?

– Вождь, задумала твоя жонка мысль побега.

– Фиса, какой побег? С ума сошла?!

Но Амир был серьёзен, взгляд потемнел, и губы сжались в ниточку, таким же грозным тоном спросил:

– Рина, что ты придумала?

– Амир! Это вы сошли с ума! Я о свадьбе говорила! Свадьбе Мари и Вито!

И Фиса чётко повторила мои слова, что я всё-таки хочу посмотреть на свадьбу. Они переглянулись с Амиром, и Олаф раздражённо взмахнул рукой:

– Рина! Всё уже готово, не переживай! Только не переживай!

Амир сказал несколько слов, и Олаф, мрачно взглянув на меня, исчез. Фиса подошла ко мне и погладила ладошкой по ноге:

– Ласточка ты наша, ты только держись, только держись...

– Фиса! Что такое?! Амир! Кто-нибудь объяснит мне?!

Я пыталась освободиться из рук Амира и одновременно пнуть Фису, но у меня не получилось ни то, ни другое – Амир из рук не выпустил, а Фиса увернулась.

– Рина, ты смотри на меня глазками своими ясными, смотри, то я, Фиса я...

– Фиса! Я не сошла с ума!

– Не сошла. Посмотри на себя.

Амир вышел в будуар и встал перед зеркалом, я ахнула – взъерошенная тётка с огромными чёрными глазами и волосами, стоявшими во всю длину как антенны. Это была не я, никакого сходства с моим лицом – все черты перекошены, а глаза сверкали абсолютной темнотой.

– Ужас...

– Так я как глазки-то увидела, так и поняла...

– Фиса, что это со мной?

Амир вздохнул и отошёл от зеркала, устроился на диване, честно признался:

- Это воздействие Собирателей.
- Но ведь я их не чувствую...
- Ты думаешь так, как им необходимо.
- Думаю? Но я...

Неужели мои мысли были... но я ничего такого и не думала, обычные мысли о себе. Не совсем, всё-таки я думала о том, что должна им помочь.

- Они чувствуют мои мысли?
- Эмоции, они чувствуют твои эмоции.
- Это тебе Хома сказал?
- Да.
- Он тоже чувствует мои эмоции?
- Нет.
- А откуда знает?
- Энергия... он чувствует изменение твоей энергии.

Амир как-то тяжело задумался, сжал губы и нахмурил брови, а я всё поняла и тут же выдала:

– Амир... Они... они хотят моими эмоциями... усилить... нет... изменить свою энергию! Поэтому антенны – чтобы усилить... чтобы всем досталось!

- Чего досталось-то? Дурында! Твоей жизни-то!
- Нет... не может быть... они... они меня не убьют.... Я им нужна.

Взгляд, каким меня окинул Амир, не поддается описанию – это даже не ирония, он, конечно, не может назвать меня как Фиса дурындой, но очень близко по смыслу. Моя наивность его поражает до самых глубин шестисотлетней души.

– Они предупреждают... но я... со мной всё хорошо... ничего не поменялось... с энергией всё хорошо...

Мари появилась как мгновенно проявившаяся тень, почти как ироды, и сразу схватила меня за руки:

- Рина!
- Всё хорошо...
- Маша! Ты только глянь как хорошо-то!

Судя по взгляду Мари, выглядела я не очень, она смотрела на меня тревожными глазами Амира. И когда посмотрела на своего отца, то в них уже был ужас:

– Никто не может остановить... никакой купол...

– Они меня не тронут! Мари... это они так со мной разговаривают! Во сне не могут... а так... как получается...

- Ты... ты... вождь... куда её... в казематы...
- Фиса, не спасут казематы. Ты спросил Хому, чем ты ему можешь помочь?

Теперь уже мой взгляд совсем не понравился Амиру, он высоко поднял голову и крепко сжал губы. Я погладила его ладошкой и медленно проговорила:

– Я свадьбу хочу... песен попеть... давай быстренько все дела порешаем и организуем, давай? А что Олаф уже приготовил? Почему мне ничего не сказали?

- Рина... да как порешаем-то? Очумела совсем!
- Фиса, я не хочу такой оставаться... муж, ты меня разлюбишь? Синяя была, полосатая, лысая... теперь совсем ужасная... разлюбишь...

Я жалобно посмотрела на Мари, хоть ты помоги убедить грозного ирода, потому как он сам только вздохнул и совсем от меня отвернулся. И дочь вождя приняла решение:

- На встречу с Хранителями пойду я...
- Мари, им нужна я, только я. И София. Амир, ведь об этом просил Хома?

– Да.

Амир с трудом выговорил короткое слово и опять тяжело вздохнул. На меня он гневаться не может, но думаю, Хоме многое сказал.

– Он просил кусочек моей энергии... а как её кусочками можно... он её законсервирует? А у Софии так же возьмет?

– София волнуется. И сёстры нервничают.

Мари призналась вопреки воле отца и проигнорировала короткий гневный взгляд, сразу продолжила:

– Сработали все ловушки, Собиратели пытались на них воздействовать.

И я задала вопрос, на который Амир мне уже не ответил с утра:

– А что сказали официальные Собиратели? Они забрали то, что поймали ловушки?

Фиса вздрогнула и закрыла рот ладошкой, это был тот редкий случай, когда тайна в ней удержалась. Амир вздохнул, прошипел слово, но Мари его опять проигнорировала и выдала тайну:

– Нет.

– Ну, правильно, зачем им чужая новая энергия. Хотя странно, это же будущие новые... Нет! Они их не принимают... они не их будущие Собиратели... они им не нужны.

– Не нужны.

Бедная Мари, скоро её вместе со мной запрут в гареме, без права даже в окно выглянуть. Взгляд Амира стал таким, что Фиса опустила голову и тоненько вздохнула, но неожиданно поддержала нас с Мари:

– Вождь... так вот и получается... можа ведь и помогут.

И Фиса с нами в гареме посидит, а Вито с Робертом будут охранять за дверями. Кстати, Роберт уже явился за ведьмой. Вытянувшись доложил почему-то мне:

– Купол удерживает лишь пятьдесят процентов воздействия.

Амир величественно кивнул, типа принял доклад, скорчил ехидную усмешку и спросил меня:

– А как ты с остальным воздействием сможешь бороться?

– А я не буду бороться. Понимаешь, сила действия равна силе противодействия. Вот.

Интересно, и откуда я такую умную фразу знаю? Из тех законов физики, которые уже однажды нарушила?

– Амир... это они тебя так уговаривают, показывают, что всё равно заставят, а меня они не тронут... когда я соглашусь.

Мари приподняла бровь, как же они с Амиром похожи, просто удивительно, неужели он этого не замечает? Я подняла голову и посмотрела на отца – понимает. Эта приподнятая бровь уже показала ему, что если его дочь так делает, то спорить с ней бесполезно. Так же как с ним.

– Рина, мы с тобой пойдём вместе.

– Зачем?

– Я человек, который может управлять энергией. Отца они не допустят. Ни одного Тёмного. А меня примут.

– Серёжу возьмите!

– Да, пожалуй, с ним они тоже будут говорить.

Терпению вождя пришёл конец, и он грозно заявил:

– Никакой встречи с Собирателями не будет.

– Амир...

– Нет.

– Они ещё не Собиратели... они эксперимент!

Но вождь сказал слово, и Роберт одним движением исчез вместе с Мари и Фисой.

Мы сидели у окна и сердито молчали. Амир гневался, не на меня, на ситуацию, которую не может изменить сам и вынужден слушать меня. Он, Тёмный и вождь, мужчина, создавший гигантскую империю, держащую в страхе весь Тёмный мир, вынужден прислушиваться к мнению женщины. И не просто женщины, а жены, которую любит и должен защищать от всего мира. Это его сверхзадача жизни – спасти меня, и вдруг выясняется, что я сама решаю что-то и мало того, спасаю его мир. Однажды он уже высказался по этому поводу и очень чётко дал мне понять, что так делать не следует. Это уже не гарем, и даже не вождь, это непонимание мужчины. Одно дело, когда я с перепугу нарушила законы физики – такой энергетический импульс простился женщине нервного склада с истериками. А уж осознанное решение включиться в борьбу с сильным врагом – а Собиратели для него враги, это сомнению не подлежит – Амир понять не может.

– Амир, не сердись...

– Я никогда не сержусь на тебя.

Он погладил меня по голове, но в этот раз мои торчащие в разные стороны волосы даже ему не подчинились – сразу выпрямились ёжиком.

– Амир, я правда хочу быстрее стать нормальной... ты не успеаешь меня даже запомнить... всегда что-то происходит, и я превращаюсь в ужас какой-то...

– Ты прекрасна.

– Ага... шутка такая, я же видела себя в зеркало. Конечно, ты всегда красивый...

– Не всегда. Я монстр.

– Ну, с этим мы давно уже выяснили...

– Что выяснили?

Наконец мне удалось отвлечь его от мрачных мыслей, Амир склонился и с интересом заглянул в глаза.

– Конечно, выяснили. Я-то тебя всегда вижу красавцем, а ты? Даже не перечислить, какого цвета я уже была... не женщина, а хамелеон.

Я вздохнула тридцать пятый раз и захныкала:

– Амир, я устала болеть и синеть, хочу стать просто женщиной в твоих руках, а если начать сейчас с ними войну... то это может продлиться веками. Ты успеешь увидеть окончание этой войны, а я могу не дождаться. Я действительно хочу посмотреть на свадьбу, на красивые платья, потанцевать с тобой... Сам сказал, что скоро буду плавать в море, ага, море... посадишь в казематы, а сам на войну пойдёшь, жди тебя лет сто.

Это был страшный удар по самолюбию всех сразу – Тёмного, вождя и мужчины. Я сама не верила, что смогу ему это сказать: обвинить в невозможности устроить мне нормальную жизнь под крылом силы и безопасности. Несколько секунд абсолютной тишины и мраморные руки чуть не сподвигли меня на усиление эффекта путем ручьёв слез, но я вовремя одумалась – не стоит перегибать палку, вождь может и догадаться о хитроумной интриге своей жены. Пусть думает, что я всего лишь наивно рассчитываю на доброжелательный настрой детей из сна.

– Рина, им нельзя верить.

– Мне сто раз говорили, что тебе нельзя верить. Ты сам говорил.

Этот удар он перенёс стойко, даже не вздохнул, только длинно выпустил воздух, и я сразу отступила:

– Амир, я не хочу ни с кем бороться, совсем не хочу. Понимаешь, я только помогу им совсем немножко, совсем-совсем, под твоим жесточайшим контролем. Ты знаешь этот мир, знаешь всех: Хранителей, Собирателей, мутантов и ещё всяких других, а я только хочу мира со всеми. Я не хочу войны, я совсем обычная женщина, мне бы у тебя под бочком лежать в отпуске... где-нибудь на солнышке...

И что-то произошло в пространстве, какое-то лёгкое дуновение энергии. Я замерла, не страх, а волнение заполнило сердце – кто-то отреагировал на мои слова, тот самый кто-то,

кто руководил воздействием на меня. Амир тоже почувствовал это изменение, но его реакция была именно той, которая единственно возможна для него – он прикрыл меня своим телом и уложил на пол. Сразу несколько тел накрыли нас, мы оказались в коконе энергии и полной темноте. Великолепные, это они прикрыли нас с Амиром своими телами. Я ничего не видела, только сердце грохотало в голове, и билась мысль – надо сказать что-то этой энергии, объяснить ей, что Амир не враг ей, он меня таким образом защищает от всего и от всех. Амир не давил на меня своим телом, странным образом извернулся и завернул меня в себя, обнял руками и горячо дышал в лицо. И я зашептала лихорадочным шёпотом в его губы:

– Я люблю тебя, что бы ни произошло, помни – я люблю тебя, только ты существуешь для меня в этом мире... только ты... единственный, кто меня держит на этом свете... я умру без тебя...

– Рина...

– Слушай, Амир, слушай меня... я может быть больше не смогу сказать тебе этих слов, просто не успею... я люблю тебя...

– Рина!

– Молчи и слушай. Никто не сможет ничего со мной сделать, только ты и твоя любовь могут изменить мир... всё изменить в этом мире... только ты... я живу лишь рядом с тобой... не будет тебя, и я исчезну... если ты бросишь меня...

– Рина, я люблю тебя...

– ... найдёшь другую женщину, то я сразу умру от ревности... даже если уйдёшь на войну, я не смогу долго ждать... мне без тебя не жить... всей моей жизни осталось только на мгновение рядом с тобой... не бросай меня...

– Я люблю тебя...

– Люби... люби меня и помни – я живу только рядом с тобой.... Я дышу твоим дыханием, мое сердце бьется твоим сердцем...

– Рина...

– Никто не сможет меня заставить разлюбить тебя... моя жизнь слишком коротка для вашего мира, чтобы можно было заставить меня что-то сделать без моей воли... слишком коротка... она мгновение... один единственный миг...

Неприкрытый шантаж подействовал самым неожиданным образом – воздух сначала загустел так, что я стала задыхаться, но почти сразу волна сильной энергии разбросала великолепных, только Амир удержался, всем телом придавил меня к полу. И сразу прозвучал крик:

– Рина! Воздух! Рине нужен воздух!

Амир подскочил и встряхнул меня, воздух с трудом проникал в лёгкие и я хрипло застонала.

– Дыши! Рина, дыши!

Олаф коснулся ладонями моей спины, и горячий поток его энергии помог мне вздохнуть полной грудью. Амир удерживал меня за плечи и шептал:

– Дыши, Рина, дыши...

– Ды... дышу...

Наконец вздох получился, и я постепенно пришла в себя. Амир подхватил меня на руки и что-то спросил у великолепных, Олаф ответил за всех и тревожно рассматривал меня мрачным взглядом. Сквозь всхлипы и вздохи я уточнила:

– Я дышу... силы нет... этой энергии?

– Нет, ты разогнала всех.

И чего он такой мрачный? Амир жёстко произнёс слово и Олаф исчез. Остальные великолепные остались в спальне и встали вдоль стен.

– Они не придут... Амир... они не придут пока... только когда я их позову сама. Или ты сам захочешь с ними встретиться.

Я проговорила, но Амир сделал вид, что не понял, через несколько секунд раздумий отпустил великолепных коротким приказом.

Купанием это назвать нельзя – Амир просто несколько раз окунул меня в воду, быстро достал и завернул в одеяло тем конвертом, из которого выбраться самостоятельно невозможно. Он не сказал ни слова с того момента, как исчезла энергия Собирателей. Только глаза темнели всё больше. Я сначала робко улыбалась ему, а потом решила, что не буду ничего говорить, не хочет разговаривать – и не надо. И в постели сразу отвернулась от него, зажмурила глаза и крепко сжала губы. Ещё немного и рыдания, настоящие рыдания обиды вырвутся из глубины души горными реками.

– Рина.

Глухой голос и мрачный тон не произвели на меня никакого эффекта, я только сильнее зажмурилась.

– Рина.

Я замотала головой и тонко застонала, чтобы не выпустить поток слёз.

– Что с тобой?

И он ещё спрашивает?! Как не может понять великий вождь, что я всё это сотворила только для того, чтобы обратить внимание Собирателей именно на него?! Что я буду говорить с ними только через него?!

– Рина, скажи... что с тобой?

– Ничего! Уходи!

– Рина...

– Уходи! Воюй со всем миром! Хоть тысячу лет! А я тут полежу... даже ждать тебя не буду.

Я выплеснула на него свою обиду и опять зажмурилась – не хочу ни видеть, ни слышать. Амир попытался погладить меня по голове, но я отвернулась и прошипела:

– Уходи.

– Рина...

– Молчи. Я тебе всё сказала, а ты можешь ничего не говорить. Ты вождь и Тёмный, ты не должен мне ничего говорить. Мужчина вообще ничего не должен говорить женщине...

Он закрыл мне рот губами, и я вынужденно замолчала, поцелуй всё-таки отвлекает от гневной речи. Амир не давал мне возможности продолжить, держал мои губы своими, а потом вообще закрыл рот своей ладонью. И я заплакала, слёзы катились и катились горячими капельками по щекам.

– Рина, я боюсь за тебя...

Я промычала гневное нечленораздельное слово.

– Собиратели неизвестные сущности... невероятные мутации человеческого организма. Их энергия отличается от всех возможных видов энергий. Никакие стены не могут остановить эту энергию. И никакая сила.

Ну, это я уже поняла, на себе почувствовала. Амир смотрел тёмной синевой и говорил жёстким тоном вождя. Мои слезки постепенно высохли, и горячая ладонь отпустила губы.

– Рина, Собиратели могут в любой момент...

– Нет, они хотят... они рассчитывают, что я сама, понимаешь, сама поделюсь с ними энергией.

– Почему сама?

– С Софией я добровольно делилась своей энергией, спасала её, вот и получается, что именно тогда и лучше всего получается... я не знаю, как правильно сказать...

Амир прижал меня к себе и горячо зашептал на ушко:

– Любимая моя, единственная, самая прекрасная в мире женщина, моя жена и моя жизнь, я не могу рисковать тобой...

– Не надо рисковать, они поняли меня, услышали... они же уступили... ушли. А теперь будут ждать, когда я их позову.

– Рина...

– Я верю им. Они дети, Амир, они на самом деле ещё дети... их никто ничему не учил... они как София и девочки. Они поэтому так чувствуют друг друга...

– А ты? Значит, и ты ребёнок?

И такая смешинка в глазах, ему понравилось такое сравнение, а что, конечно – по сравнению с ним я ребёнок. Этакое дитя человеческое в нечеловеческом мире. Так, ну и подумала, окстись, и приди в себя, тётенька, они конечно дети, а уж ты давно не маленькая девочка. Просто ума в голове маловато, вот за ребёнка и сходишь, понимаешь их, и они тебя понимают.

– Я не ребёнок... но кто-то же должен их понять, почувствовать их одиночество.

3

По негласному соглашению с Амиром я не говорила о Собирателях два дня. Во время ужина, который он принёс в будуар, а я смогла не спросить у него, куда делись Мари и Фиса, он мрачно уточнил:

– И когда ты собираешься говорить с ними?

Он даже не назвал слова, и я пожала плечиком, состроила невинное личико:

– Пару дней отдохну, а потом посмотрим.

– Пару дней?

– Да.

Почему именно столько и куда я буду смотреть, неизвестно никому, но видимо мой мозг решил дать Амиру возможность прийти в себя. И он воспользовался этими днями: уходил всего на несколько минут, плавал вместе в бассейне, а ночью страстно любил и шептал слова любви на своём языке. Я уже точно знала – никто не появится в моём сне до тех пор, пока я сама их не позову. Как я это сделаю, мне было непонятно, но думать об этом не стала – найду возможность.

И всё-таки Амир остаётся вождём с гаремом. За эти два дня я опять не выходила из спальни дальше будуара и бассейна. А Фису и Мари он отправил по делам, так и сказал на мой вопросительный взгляд:

– Они уехали по делам.

Естественно, по каким делам отчитываться не стал, уехали и всё тут. Я как жена должна оставаться дома, особенно когда он сам в нём присутствует. А ведьма и дочь могут заниматься делами. За эти два дня в будуар один раз заходил Роберт и один раз Олаф, причём меня Амир относил в спальню и заворачивал в конверт. Я хотела возмутиться, но решила не накалять обстановку – найду возможность высказать ему свои претензии после разговора с Собирателями. Пусть муж хоть иногда считает, что властвует над женой. Но он сам не выдержал и вечером второго дня спросил, рассматривая меня пока я ужинала:

– Неужели ты ничего не скажешь?

И так улыбнулся хитро, что я кинула в него ложечкой. Поймав невидимым движением, он положил её рядом с собой и снова спросил:

– Ни одного упрека?

– Нет. У нас было два дня отпуска, я счастливо их провела.

Я смотрела в яркую синеву глаз и удивлялась сама себе – и где я этому научилась? Никогда не умела кокетничать, даже в молодости, а сейчас изображаю Амиру всякие удивительные картинки на лице, строю глазки, двигаю плечиком и бровкой. И счастлива всем телом под умильным взглядом грозного вождя, готового на всё ради этого женского кокетства, даже выслушать жесточайшую критику своих действий.

– Любимая жена, я глупый вождь, недостойный твоего внимания, для меня величайшим счастьем является твоё присутствие рядом... дыхание в ночи, бархатная кожа твоего тела и блеск глаз... улыбка изумительных губ...

Амир признавался в любви, а его глаза всё темнели, и я не понимала, почему говоря о своей любви, он так страдал. Я хотела спросить, что случилось, но он приложил палец к моим губам и продолжил:

– Рина, я слышал тебя, когда ты говорила Собирателям и верю... что ты любишь меня... верю... хотя ирод во мне не должен...

– Амир...

– Ты забываешь об этом, и я счастлив... хоть на мгновение звука твоего голоса...

– Я говорила тебе...

– Ты говорила им – детям, которые, как и я, не знают, что такое любовь.

Вот уж этого я совсем не ожидала – что Амир признается в том, что не верит в мою любовь. Или в свою? Глаза всё темнели, и он не выдержал – отвернулся от меня, а потом отскочил к окну. Я растерянно протянула к нему руки, но он отвернулся и склонил голову так низко, что её не стало видно за широкими плечами. Глухой голос едва слышался, и я подскочила с дивана, но энергия не позволила приблизиться – холодный ветер оттолкнул меня.

– Рина, мне нельзя любить тебя, нельзя прикасаться к твоему прекрасному телу и смотреть в глаза...

– Амир!

– Но я ничего не могу с собой... я должен был отпустить тебя... спрятать и никогда больше не появляться... никогда...

– Почему... Амир, почему спрятать?

– Как Мари... спрятать и не позволять никому видеть тебя. Твоё появление в мире...

Громкий стон безнадёжности прозвучал как рык раненного льва:

– Ирод захотел жить как человек! Мечта... мечта, которая губит тебя! И я ничего не могу изменить!

Вот оно – страдание вождя, который всегда отвечает за всё. Не может изменить ситуацию и готов спрятать меня глубоко под землю или под воду, а сам ринется бороться со всем миром. И заодно может отказаться от своей мечты, только чтобы спасти мне жизнь. Вернётся в состояние страшного Тёмного без сердца и души.

– Не надо меня прятать... Амир, всё будет хорошо...

– Рина...

Амир повернулся ко мне, и я попыталась встать, но ледяная энергия только сильнее припечатала меня к дивану.

– Собиратели отказались говорить с Мари и Фисой.

Оказавшись передо мной, волна энергии совсем придавила меня к спинке дивана, Амир проговорил, жёстко произнося слова:

– Фиса едва выжила после удара энергии Собирателей.

Я ахнула и закрыла ладошками лицо, но сразу вскинула на него глаза:

– А Мари? Что с Мари?!

– Они лишь взяли у неё кровь.

– Взяли... как взяли? Амир! Как взяли?!

– Мари жива.

– Жива...

– Ей помогают мутанты.

И что-то со мной произошло, внутри меня образовался ком гнева, он кипел и полыхал огнём, опаливая весь организм. Тон, которым я заговорила, поразил Амира, он откинул голову и изумлённо взглянул на меня:

– Вы не дети! Вы трусы и мерзавцы! Я не буду делиться с вами своей энергией! Вы недостойны любви и нежности, вы недостойны ничего! Нельзя заставить любить, любовь можно только чувствовать самому и... пытаться научиться... как научился и почувствовал Тёмный! Великий Тёмный! А вы... вы мелкие проказники с дубинкой в руках! Дети любят, они просто любят... своих родителей, сестёр и братьев... тех, кого любят просто потому... что любят!

Амир обнял меня и закрыл всем своим гигантским телом, он первым почувствовал волну энергии, проявившуюся вокруг нас, а я продолжала кричать:

– Вы получите мою ненависть, а не любовь! Я вам показала... рассказала о любви, а вы... вы посмели обидеть тех, кого я люблю! Кого мы любим все!

Энергия давила уже так сильно, что я дышала с трудом, но всё же досказала то, что кипело внутри меня:

– Ненависть уничтожает... она грызет изнутри и убивает душу... слабеют от ненависти... сила уходит...

В сознание я приходила моментами, видела лица Амира, Олафа, ещё кого-то, кого не узнавала. Вздохи были настолько редкими, что мне казалось – я уже не дышала. И вдруг всё изменилось, стало легко, воздух проник в лёгкие и кто-то рядом громко сказал:

– Дышит! Рина дышит!

Амир держал меня на коленях, а вокруг стояли Роберт, Олаф и Вито. Они образовали кольцо вокруг нас, и их объединенная энергия слегка вибрировала голубоватым куполом. Я хриплым шёпотом спросила:

– Как Мари и... Фиса?

– Всё хорошо, ты только дыши, любимая, ты только дыши...

Амир окутал меня своей энергией, а я послушно задышала, закрыв глаза. Роберт вдруг удивлённо произнес:

– Энергия спала... они ушли.

И у меня началась истерика. Я билась в руках Амира и кричала хриплым голосом, перемежая слова со всхлипами и попытками вздохнуть:

– Амир... я во всём... виновата... они из-за меня пострадали... мне нужно было сразу... говорить... Роберт... Вито... простите меня...

– Рина, успокойся, с ними всё хорошо...

– Я виновата! Я не смогла им объяснить... неправильно сказала... они меня не поняли... они дети... Глупые дети... с дубинкой в руках... силы много, а ума... нет... они не могут чувствовать... а я... простите меня...

– Они их не тронули, Рина, Собиратели их больше не замечают...

– Им нужна я... только я... отдай меня им... отдай... нельзя доверять, им нельзя доверять... ты прав, Амир, ты прав!

Амир прижимал меня к себе, а остальные тревожно оглядывались вокруг, не доверяя Собирателям, которые опять вторглись в охраняемый ими дом. Они сканировали пространство своей энергией, отголоски которой я чувствовала.

– Рина, всё хорошо, они ушли, Собиратели ушли... они услышали тебя.

Я неожиданно успокоилась, утёрла слезы, несколько раз глубоко вздохнула и заявила:

– Завтра я встречусь с официальными Собирателями.

– Рина...

– Утром я их позову, и они придут. Амир, им нужна я...и я готова с ними встретиться.

– Нет.

– Да. Этих... мелких надо остановить. И я это сделаю. А ты мне поможешь. Вы все мне поможете.

Амир молчал, и я добавила:

– Они меня выслушают. Нас выслушают.

– Нас?

– Да. Ты... вы пойдёте вместе со мной. Роберт, ты же их видел?

– Видел их энергетические...

– Не важно, это они... мне всё равно, в каком виде они решат со мной встретиться. А ты к Фисе иди, и ты Вито тоже к Мари уходи. Сегодня ко мне никто уже не явится.

Тёмные глаза всех смотрели на меня удивлённо, но лишь Амир смог уточнить:

– Почему ты так уверена?

– Кто-то слышал про любовь, а кто-то... про ненависть. Каждый своё. Олаф... ты тоже уходи, мне с мужем надо поговорить.

Амир несколько долгих секунд молчал, но всё же отпустил охрану:

– Свободны.

Роберт спросил его о чем-то, но ответа не последовало, и они все исчезли.

– Я... Амир, давай искупаемся... хочу от них отмыться... от их энергии.

Муж героически молчал, пока мы плавали: носился со мной на руках по всему бассейну, иногда уходил почти на дно, но очень быстро возвращался на поверхность, волнуясь за моё дыхание.

А потом я затребовала второй ужин и очень вкусно съела всё, что он принёс. Амир сидел на полу и внимательно на меня смотрел тёмной синевой, так и не задал ни одного вопроса. Вот что значит вождь – абсолютное владение собой, даже с такой сумасшедшей женой как я. Он научился дожидаться того момента, когда я сама выскажусь. Вообще, Амир с первых дней отличался неразговорчивостью, даже сейчас может целый день только смотреть на меня и лишь изредка высказывать слова восхищения моей красотой и удивительностью. До сих пор не знаю – плохо это или хорошо.

– Ловушки в доме есть?

– Да.

– Убери.

– Зачем?

– Они сегодня придут... дети...

– Нет. Я им не верю.

– Я тоже. Но они должны высказаться...

– Нет.

– Хорошо, тогда... тогда завтра со всеми и встретимся.

Амир насторожился, и я сразу постаралась его успокоить:

– Я только буду присутствовать... они придут, а с ними будешь говорить ты.

Недоверие в глазах и усмешке было слишком явным, чтобы можно было его игнорировать, и я честно призналась:

– А я только через тебя с ними и буду говорить.

– Всё-таки говорить будешь ты?

– Нет, я скажу пару слов, а остальное ты.

– Пару слов о чём?

– О них.

– И что ты будешь говорить?

– А я ещё не знаю.

У вождя, который продумывает свои действия на столетия вперед, глаза слегка округлились, а так как я на самом деле не знала, в каком настроении проснусь утром, то честно заявила:

– Придумаю за ночь.

Амир кивнул головой и засмеялся, взял меня за руку и коснулся лбом ладони.

– Рина, ты удивительная женщина...

– Конечно удивительная. Вот все и удивляются. А ты им объяснишь, что я просто твоя жена, обычная, ничем не примечательная. Только волосами от всех и отличаюсь.

И неожиданно вождь со мной согласился, кивнул головой и очень серьёзно сказал:

– Хорошо.

– Ты согласен?

– Да. Мы встретимся завтра с Собирателями. Официальными и преемниками.

– Преемниками?

– Да.

Интересная мысль. А ведь действительно, новые Собиратели пришли на смену старым, в смысле официальным, и те... не хотят их признавать! Амир прав, как он прав, об этом мог догадаться именно вождь, удерживающий свою власть многие столетия. А тогда кто я? Амир внимательно следил за моими умозаключениями и сразу ответил на этот вопрос:

– Ты королева, которая выбирает – кому оставаться, а кому уходить.

– Я? А как я могу выбирать?

– Твоя энергия выбирает. Кому ты отдашь свою силу – тот и останется.

– Волосы выберут?

Представить, что я, лично я, могу выбирать, кому из Собирателей оставаться у власти, я не могла. Но Амир грустно взглянул на меня и вздохнул:

– Ты.

Эту мысль я думала, прижимаясь ночью к горячей груди Амира, а потом утром за завтраком. Ничего умного не придумала и решила – как повернётся, так и будет. Да и вождь будет рядом, он точно знает, как с кем себя вести. Вот на него и возложим ответственность выбора.

Амир сразу мне доложил, что Мари и Фиса уже чувствуют себя хорошо, но на встречу с Собирателями он их брать не хочет.

– Не нужно! И Сережа пусть не идет. Только вы.

– Кто – мы?

– Тёмные.

Вождь задумчиво склонил голову, а я быстро заговорила:

– Они должны понять, обе стороны, что будет так, как я решу. И ты с ними будешь говорить – как вождь и Тёмный. Не так, как мой муж, которого я люблю. Без тебя разговор не получится.

Амир поднялся и прошёлся по комнате, руки в карманах – тяжело даётся решение. Хотя он вчера согласился встретиться с Собирателями, но видимо за ночь тоже много чего надумал и сомнение не даёт ему покоя.

– Они будут тебя слушать.

– Почему ты так уверена?

– Потому что я уже объявила им, что умру без тебя. А я им нужна. И они ушли, как только поняли, что мне... плохо.

Наконец синева в глазах победила, и Амир склонился ко мне:

– Где будем встречаться?

– Как ты решишь. Только не дома.

Амир кивнул и сказал несколько слов, сразу появился Роберт.

– Едем через...

Приподнятая бровь уточнила у меня, сколько мне нужно времени, чтобы собраться, и я ответила:

– Пять минут.

Роберт улыбнулся и исчез. А муж позвал:

– Мари, Фиса помогите моей жене.

Я только успела радостно вздохнуть, как они уже зашли, а он исчез. Фиса сразу кинулась ко мне:

– Лебёдушка, как ты...

– Фиса, как вы, расскажите мне, Мари, как ты себя чувствуешь? А ты, Фиса, ты конечно, ведьма, но Амир сказал, что ты едва выжила...

– Да что мне сделается, вот Машеньке досталось...

– Со мной всё хорошо.

Вскочив, я обняла их и гордо заявила:

– Девочки, я с ними поговорю, и всё будет нормально, им будет не до нас...

– Что придумала-то? Машенька, я так и знала, опять эта дурында...

– Фиса! Не смей на меня ругаться! Мари, не слушай её, ты лучше Расскажи, как вы сами с Собирателями умудрились встретиться?

Мари была такая бледная, что я прижала её к себе, а потом посадила на диван:

– Расскажи мне всё. Я должна знать, чтобы высказать своё возмущение.

– Да что удумала?

– Им нужна я, правильно?

– Оно, конечно...

– Так вот, Мари, Расскажи мне.

Она кивнула и жестом остановила Фису, та покорно села рядом с ней и взяла её за руку.

– Мы с Фисой ехали в школу, у Роберта появилась идея... нам нужен был определённый мутант. А по дороге обсуждали Собирателей... детей, которые тебе снились...

– Они всех... Рина, они всех боевиков разметали как пушинок!

Фиса от возмущения даже руки Мари отпустила, хотела встать, но в комнату вошёл Амир, и она опустила голову.

– Рина... Собиратели ждут.

– Уже?

– Да. Я их пригласил.

Мари схватила меня за руки:

– Рина, отец, это очень рискованно...

– Мари, всё будет хорошо. Это не я к ним в гости прошусь, а они меня... чего-то там хотят.

Амир улыбнулся и напомнил:

– У тебя осталось...

– Всё-всё, минуточка и я буду готова.

Фиса подскочила, но Амир сказал ей слово, и они вышли. Мари только развела руками: у вождя и ведьмы свои отношения.

– Мари, пока я буду одеваться, Расскажи мне...

– Рина, ничего страшного...

– Ага, а ты потом говоришь отцу, что очень опасно. Рассказывай.

Мари отвернулась к окну и медленно произнесла:

– Звёздочки облепили меня и... и взяли кровь... следы по всему телу.

– Звёздочки?

– Да... маленькие яркие образования, похожие на звёздочки. А Фису ударили энергией, и она сразу потеряла сознание. Нас спасли гномы.

– Гномы?

Я замерла с платьем в руках, а появившаяся в дверях Фиса ответила:

– Под землю затащили да под скалу запихнули, энти и не добрались. Ты, милая, платьице да шубку зазря... вона что накинй...

И достала из гардеробной коробку. Когда муж успевает такие прикиды покупать? Не покупать, рисовать на бумажке клану внутренней охраны. Это был настоящий блестящий скафандр из тонкой серебристой ткани. Ну, не совсем скафандр – комбинезон с длинными рукавами, капюшоном и пришитыми варежками. С ужасом представила себя в этой... этом... но уже хорошо, что нет драгоценностей и вес можно выдержать. Я зря радовалась, когда Фиса его с трудом достала из коробки, вздохнула – опять руки не поднять самостоятельно. Мари помогла натянуть на меня скафандр, и когда пришёл Амир, я только безропотно вздохнула, понимала – только крайняя необходимость защитить от энергии Собирателей заставила его в него меня поместить.

– Красиво смотришься.

Я ехидно уточнила:

– А шлема не будет?

– Будет.

– Шлем... настоящий шлем?

– Настоящий.

Вошёл Олаф и торжественно объявил:

– Космонавт готов к полёту.

И водрузил мне на голову прозрачный колпак. Чтобы я уже точно не сомневалась в том, что настоящий космонавт, Амир подошёл к зеркалу. Я захохотала – точно космонавт, кругленький космонавтик на руках у гиганта в чёрном костюме. Фиса только головой покачала, а Мари вздохнула, почему-то не верила, что этот костюм сможет меня защитить от Собирателей. Без всякой надежды быть услышанной, я всё-таки заявила:

– Я их не боюсь!

К моему удивлению голос прозвучал достаточно громко и Амир подтвердил, что услышал меня:

– Ты никого не боишься.

– А как...

– Специальное стекло, гномы многое умеют. Подарок для тебя.

Амир подготовился к встрече со всей своей ответственностью, поэтому и согласился. А я полянку с цветочками представила.

– Почему гномы помогают? Им Собиратели тоже не нравятся?

– Они помогают тебе.

Фиса была настроена категорично:

– Но Бабу ты им не отдавай!

– Не отдам. А где София?

Амир задержался с ответом, но признался:

– Она далеко.

– Ну и хорошо. Пошли?

И мы сразу оказались в машине. Хотя этот вид транспорта машиной назвать можно с трудом – даже не танк, нечто среднее между автобусом и самолетом. Автобус по размерам, самолёт по космосу управления. Я задала глупый вопрос:

– А этот... драндулет ты тоже за ночь приготовил... построил?

– Нет. Он уже был, его только немного усовершенствовали.

Мы сидели внутри на большом мягком сидении, а вокруг – непонятные аппараты с множеством мелькающих лампочек. Амир прижал меня к себе и неожиданно стал рассказывать:

– В моих кланах много разной техники. Разведка следит за техническими новшествами, при необходимости покупает изобретение или инженера.

Чудо техники несло куда-то, а муж развлекал меня:

– Мне принадлежит несколько заводов, официально они производят автомобили известных фирм, а на самом деле изготавливают технику для кланов.

Я не могла поднять голову и посмотреть на него – колпак не давал возможности даже двинуть головой – и только широко распахнула глаза, как интересно, муж решил рассказать о себе. Не так, о своей работе. Значит, пытается отвлечь от осознания опасности встречи, добровольно он бы на это не пошёл. А этот самый муж продолжил:

– Твой самолёт тоже на таком заводе сделали. За десять дней.

– Самолёт за десять дней?

– Много времени ушло на отделку.

То есть, истребитель бы изготовили значительно быстрее. Я хихикнула, муж добился своего – я совершенно успокоилась.

– А танки у тебя тоже есть?

– Нет. Нецелесообразно в современных условиях.

– У тебя вместо танков гномы.

Амир засмеялся и согласно погладил меня по руке в серебристой варежке. А ведь он тоже спокоен, хотя может изображает для меня? Нет, он бы ни за что не согласился, если бы была на самом деле настоящая опасность.

– А как ты их позвал?

– Вышел к морю и сказал, что ты готова их выслушать.

– И всё?

– Всё. Волна энергии подтвердила, что кто-то меня услышал.

– И сказал где?

– Нет. Они двигаются параллельно.

– Откуда...

– Посмотри.

И показал на какой-то аппарат – по экрану двигались многочисленные огоньки.

– Это они?

– Да.

– А они не пытаются... как-то уже воздействовать?

– Нет. Ни одна ловушка не сработала.

Я с трудом подняла руку и указала варежкой на аппараты:

– Это и есть ловушки?

– Всего десять, остальные в машинах сопровождения.

Ну, их я точно не вижу. Но и о них Амир сегодня готов говорить:

– Нас сопровождают четыре машины и два вертолета. На всех есть ловушки.

Помолчал несколько секунд и доложил:

– Великолепные.

Ещё через несколько секунд добавил:

– Роберт и Вито ждут на месте.

Так же неудобно в этом колпаке, ни в какую сторону невозможно повернуться. И как его Олаф на мне устроил?

– Рина, у тебя десять минут на разговор.

– Почему?

Совершенно наивный вопрос, ему лучше знать, сколько времени он сможет удерживать энергию Собирателей. И ответ был соответствующим:

– Ловушки рассчитаны на определенное количество энергии Собирателей.

– Они на меня не нападут. Ни на кого не нападут.

Амир не стал со мной спорить, но я чувствовала его сомнение. Мне с трудом удалось промолчать, но всё же я решила ему больше ничего не говорить. На самом деле сама не очень понимала своей уверенности.

Когда машина остановилась, Амир не сразу вышел, перекинулся фразой с Виктором и только когда тот ему о чём-то доложил, напомнил мне:

– Рина, десять минут.

Я скривила губы – ну и как я смогу определить, когда они закончатся?

– Ровно через десять минут я унесу тебя от них.

А куда я денусь, всё равно унесёт.

Большая поляна среди длинных рядов фруктовых деревьев зеленела тем цветом, который бывает только весной. Потом она тоже будет зелёной, но в траве уже появится оттенок солнца и исчезнет настоящая сверкающая яркость только что зародившейся жизни. Амир встал посередине поляны, а я попыталась вдохнуть аромат начинающих цвести деревьев, но колпак, пропуская воздух, почему-то игнорировал запахи.

Дети проявились как кадры из фильма – фигурки образовались на фоне зелени как серые контуры, которые постепенно заполнялись цветом. Это были они – те самые дети из моих снов. Маленький шепелявый мальчик сразу засмеялся, как только весь проявился на фоне зелени травы:

– Мы ждали, жнали, ты придёшь... молодёш...

А девочка чуть старше, когда-то поразившая меня своей худобой, тоже улыбнулась и пропела:

– Рина, Рина, нарисована картина...

Остальные подхватили песенку и запрыгали на месте, размахивая руками. Я не стала их считать и рассматривать, заговорила строгим серьёзным тоном учительницы начальных классов:

– Я пришла с вами поговорить. Песни петь потом будете.

И дети послушались меня, остановились в своих прыжках, мальчик шмыгнул носом и утёрся, а девочка постарше поправила растрепавшиеся волосы. Выдержав паузу и строго оглядев всех, я спросила:

– Почему вы обидели моих друзей? Я вам помогала, всегда делала всё, что вы просили...

Не успела я договорить, как дети дружно закричали:

– Это не мы! Мы никого не обижали, мы только разговаривали, это другие!

– Они не хотят с нами играть, мы хотели с ними играть, а они только кусаются!

– Они нас к тебе не пускают, мы тогда только говорили, а они тебя задохнули, воздух не пускали и кусали нас!

– Это не мы! Мы помогаем, Софии помогали, она наша, и они наши, они проснулись как мы, а ты Софии помогла...

Амир произнес тихий шипящий звук, и все сразу замолчали. Старшая девочка сделала шаг вперед и неожиданно тонким голосом попросила его:

– Тёмный, ты нас видишь, скажи Рине, что мы её не обижали...

– Ваши энергетические сущности ничем не отличаются.

– Отличаются! Отличаются! Цвет другой, смотри!

Девочка взмахнула рукой и из её ладони взлетела маленькая сверкающая звёздочка, а мальчик достал из кармана мешочек и потряхнул его, тут же из него вылетела такая же звёздочка. Я не заметила никакой разницы, они одинаково сверкали всеми цветами радуги. Звёздочка из мешочка сразу подлетела к той, которая повисла недалеко от ладошки девочки, стала ярко-красной, и вдруг произошел маленький взрыв. Передо мной проявилась чёрная спина и Амир резко что-то сказал. Я испуганно вскрикнула:

– Что с детьми? Дети живы?

– Мы же далеко! Рина, мы же далеко, не бойся за нас!

Чёрная спина отошла, голос Роберта что-то сказал Амиру, и он сразу доложил мне:

– Рина, это только изображения, сами дети в ста километрах отсюда.

Дети, проявившиеся почти рядом с нами, заволновались, и старшая девочка удивлённо спросила:

– Тёмный, ты знаешь, где мы?

– Знаю. Бежать вам некуда – кругом боевики.

Девочка суетливо стала озираться и испуганно прикрыла глаза ладошками, увидела боевиков. А я быстро заговорила:

– Не бойтесь, они вас не обидят, вы ничего своей энергией не делаете, не нужно. Тёмные вас не обидят, они помогут вам! София вам поможет, я вам помогу!

– Рина.

Голос Амира был строг, он такого обещания не стал давать. Махать руками я не могла, совершенно невозможная тяжесть у этого скафандра, но крикнуть крикнула:

– Амир, они ни в чём не виноваты! Им помочь нужно, только помочь!

– София уже едет к ним.

Сбившиеся в кучку дети удивлённо подняли на нас глаза, а мальчик спросил:

– Тыпустишь её к нам?

Условие вождя прозвучало как приказ:

– Если вы больше не будете использовать свою силу против Рины.

– Нет, мы её никогда не обижали! Только она может нам помочь! И София может нам помочь! Мы только играть хотели, мы одни такие, а эти нас не берут, делают больно и кусаются!

Они увидели кого-то невидимого мне и замахали руками, почти сразу изображение стало таять, и скоро на их месте уже зеленела трава. Я только собралась спросить Амира, как он так быстро выяснил, где находятся дети, и направил туда Софию, но вдруг Роберт изменившимся голосом сказал:

– У нас гости.

4

Я стояла в центре круга, образованного гигантскими телами Тёмных. Над нами сверкал купол энергии, а вокруг него летали звёздочки, яркие красные звёздочки Собирателей. Других – официальных Собирателей. Всё произошло мгновенно: Амир поставил меня на ноги и превратился в гиганта, моя голова оказалась где-то на уровне его пупка, лапы с длинными когтями обняли и завернулись вокруг моих плеч. И даже его ноги странным образом оплелись вокруг меня. Казалось, что Амир обернул меня своим ставшим невероятно большим телом. Испугаться я не успела, только вздрогнула и захлопала глазами.

Амир заговорил жёстким властным голосом короткими фразами на непонятном языке с множеством свистящих звуков. Как будто большая змея выплёвывает из пасти раздвоенный язык и сердито разгоняет мелочь вокруг себя. Я опустила глаза и посмотрела на вытянувшуюся из рукава пиджака серую толстую... не руку, лапу гигантского зверя. Она была покрыта плотной короткой чёрной шерстью, стоявшей дыбом. Промелькнула неожиданная мысль, что и эти волосинки страшное оружие – они могут разрезать любую плоть на всю длину. А о когтях лучше не задумываться – им и камень как масло. Но почему-то лицо Амира я никак не могла представить с клыками, хотя и видела его таким. Та ужасная морда, проявившаяся после ритуала свадьбы, стёрлась из памяти, осталось только лицо со сверкающими от счастья голубыми глазами. Я даже седину на висках не замечаю, только глаза – то тёмные синие, то яркие голу-

бые, а иногда чёрные от гнева и возмущения. А клыки и когти не вижу. С трудом подняв руку, я погладила лапу варежкой. Амир замолчал, через секунду спросил:

– Рина, как ты?

Его голос ещё не совсем оправился и звучал хрипло, а я быстро ответила:

– Амир, всё хорошо, я ничего не боюсь. Я люблю тебя.

И вдруг послышался тонкий голосок:

– Любишь? Ты – человек и любишь Тёмного?

– Люблю.

– Ты его видела настоящего?

– Я знаю его настоящего.

Амир что-то рявкнул страшным рыком и голос, уже начавший что-то говорить исчез в этом звуке. А я крикнула:

– Я хочу им сказать! Позволь мне им сказать!

Прошло какое-то время тяжёлой тишины, и, наконец, Амир сказал:

– Говори.

Он опустил свои руки, освободил меня от своего объятия, сказал слово и отошёл на шаг. Я оказалась одна в окружении гигантских тел. Где-то наверху прозвучал голос Амира:

– Рина, прежде чем говорить... посмотри на меня.

Но я смогла чуть поднять голову и лишь уперлась взглядом в широкую грудь, которая разорвала пиджак – Амир стал больше в несколько раз, как в высоту, так и в ширину. Пожать плечами не удалось, и я тихо засмеялась:

– Амир, большой муж, который летает в облаках – моя мечта, а ты ещё к тому же умный и хозяйственный. Я люблю тебя, всякого люблю, даже когда ты на меня сердишься.

– Рина...

– Клыки и когти не показатель личности. Это мои губы относятся к личности, потому что ума мало.

И крикнула во весь голос:

– Слышите вы, звёздочки, вы отстали от жизни! Уже весь мир изменился, а вы всё храните свои запасы в ямках!

Почему я так сказала? Почему в ямках? Но останавливаться не стала и, набрав воздуха, крикнула ещё громче:

– Я обычная тётка и никому не отдам своего мужа! Не позволю обижать своих родных! Они все моя родня! Самые близкие мне существа! Они все мои! Слышите – все! Тёмные, мутанты, ведьмы, гномы – все! А вы своих сыновей и дочерей признавать не хотите! Они – это вы! Только умнее и лучше, прекраснее вас!

Амир подошёл ко мне и положил лапы с когтями на плечи, а я набрала полные лёгкие воздуха и продолжила, с трудом удерживаясь от крика:

– Тёмный их спас! Не вы помогли им в новой жизни с Силой, а – Тёмный! Он их спас, помог разобраться и научил жить с этой Силой! А вы? Чего добиваетесь вы? Хотите меня убить? Ну и что будет? Появится другая – я, сильнее и умнее, мудрее и создаст новых Собирателей и Хранителей... вам не остановить Жизнь!

Очередной раз вздохнув, я обратилась к тем, кто окружал меня:

– Тёмные, вы самые страшные хищники, вам нет равных, и вы сильны не своей физической Силой, а своей готовностью спасти... именно спасти – меня, Мари, Фису. Мы по сравнению с вами мошки, а вы нас спасаете от всего на свете. Это и есть Сила сильного, настоящая Сила, которая спасает слабого и незащищенного.

Попытавшись махнуть рукой, я чуть подняла её, Амир сразу подхватил меня, и я прижалась к его груди.

– Собиратели. Красивое слово, за ним опыт тысячелетий и Сила... только вы закоспелели, испугались изменений, которые наступили в мире... во всём мире – вашем и человеческом.

Когтистая лапа аккуратно держала меня, и я погладила её варежкой.

– Я сказала Вам всё, что думаю о Вас, а теперь мы уходим. Если у Вас появится желание поговорить, я думаю, Амир согласится. Но это его право.

Амир повернулся уходить, а я продолжила:

– Собиратели, я не угрожаю, лишь хочу предупредить – если вы посмеете тронуть кого-то из моих родных, я отвечу своей энергией сильнее, чем все Тёмные вместе взятые. А они добавят.

Такого хохота Амира я не слышала никогда – громогласный, жуткий хохот огромного великана. И его поддержали другие такие же голоса, смеялись все великолепные, которые окружали меня. На мгновение я смутилась, тоже угрозу высказала – мошка пискнула, но Амир остановился и проговорил между своим жутким смехом:

– Рина... может... ещё как может... а мы добавим.

И это его «добавим» прозвучало уже как обещание Великого Тёмного. Множество мужских голосов повторили:

– Добавим.

Мгновением Амир оказался рядом с машиной, остановился у двери и, медленно произнося звуки, сказал:

– Рина, Собиратели ушли. Виктор доставит тебя домой.

– А ты?

Из-за этого дурацкого шлема я не могла посмотреть на него, даже приподняться на его руках не могла.

– У меня есть...

– Амир, сними с меня этот шлем.

Я попыталась хоть руку поднять, но костюм мешал, и я громко крикнула:

– Сними с меня это!

Он тяжело вздохнул, но через несколько секунд приказал:

– Олаф.

Трубный голос Олафа высказал сомнение:

– Амир, Собиратели ушли, но им нельзя верить...

– Они не тронут меня! Снимай этот колпак!

Послышался такой же тяжёлый вздох, и появилась лапа с когтями, не меньшими, чем у Амира. А я подумала – как он ими сможет снять шлем? На удивление когтистая лапа справилась с задачей очень быстро, и я облегченно вздохнула ароматы цветущего сада.

Они стояли вокруг меня – гигантские тела и когтистые лапы вместо рук. Я подняла глаза и увидела лица, центром которых был рот без губ с длинными клыками. Круглые глаза светили жёлтым цветом, особенно выделяющимся на фоне серой кожи. И все они были совершенно одинаковыми – я переводила взгляд с одного лица на другое и не могла выделить никого: ни Олафа, ни Виктора, ни ещё кого-то, но не боялась этих морд. Лица, на самом деле я воспринимала их как лица в гневе. Моя улыбка поразила их – я улыбнулась и проговорила:

– Ребята, Собиратели же ушли, можно уже и в человек превращаться.

– Рина...

– Амир, я не боюсь вас, совсем-совсем.

С огромным трудом я всё-таки подняла голову и взглянула прямо в желтизну глаз без зрачка:

– Муж, ты надолго остаёшься? Я могу тебя подождать, может, помогу чем-нибудь. Только в этом скафандре неудобно...

Послышался тихий смешок и почти нормальный голос Вито произнёс:

– Рина, нам с тобой никто не страшен...

И грянул такой хохот, от которого вздрогнули близлежащие скалы. Даже Амир смеялся, прижимая меня к себе. И этот смех постепенно превратил клыкастые морды в нормальные весёлые мужские лица. Странно было наблюдать, как длинные клыки исчезали во рту, проявились губы и отдельные черты лица, засветились глаза, получившие снова свой естественный цвет, а желтизна исчезала. Оказалось, что Вито стоит совсем рядом со мной, он поднял на Амира глаза, как будто попросил разрешения что-то совершить, и протянул руку – серая шерсть уходила под кожу, а когти втягивались в пальцы. Я сразу посмотрела на руки Амира, державшие меня и увидела, что они уже превратились в нормальные руки с длинными пальцами.

– Ух... вот это да...

А потом Тёмные стали уменьшаться в размерах, скоро стояли передо мной обычным строем, и я уже могла на них посмотреть, не очень задирая голову, потому что Амир держал меня на руках. И вдруг их глаза стали темнеть, они опустили головы, через мгновение единым движением встали на колено передо мной.

– Что вы? Зачем? Амир...

– Рина... ты – человек.

– И что? Я не боюсь вас... теперь я уже и смотреть на вас не могу?

– Ты видела нашу настоящую сущность...

– Ваша сущность – не клыки и когти, вы сами и есть сущность... если я толстая, то теперь на меня и смотреть совсем нельзя? А когда была лысая и синяя в полосочку? Вы же на меня смотрели, почему я на вас не могу смотреть, когда вы сердитые?

– Какие?

Вито поднял голову и удивлённо смотрел на меня.

– Вы из-за этих Собирателей рассердились, вот ты же на меня кричал, а когти не выпустил – значит, не так сильно на меня рассердился.

Амир произнёс смешной звук, и Вито виновато опустил голову. Тут прозвучал громогласный рык Олафа:

– Ты что, на Рину кричал?!

Я тут же пожаловалась на Вито:

– Олаф, аж два раза! Он этот... как... Вито, я забыла, напомни, кто ты...

– Истерический невротик.

– Невротический истерик.

Вито обиделся:

– Ты каждый раз меняешь определение.

Муж откровенно засмеялся и приказал:

– Невротическому истерику выполнить все действия. Виктор – домой.

Уж не знаю, как вождь пережил едва сдерживаемый смех своей команды, а Вито так низко опустил голову, что я не видела его лица, но плечи слегка подрагивали. Пожалуй, Вито получил тайное прозвище, хотя почему тайное – вождь сам его озвучил.

В машине Амир достал одеяло, что-то сказал Виктору и мгновенно снял меня скафандр. Завёрнутая в конверт из одеяла, я счастливо прижималась к его груди и пыталась задавать вопросы:

– А что ты сказал Собирателям?

– Что я много о них знаю.

– И что ты знаешь?

– Достаточно.

Разговорчивость мужа ограничилась информацией о технике в его кланах. Сейчас же меня не надо успокаивать, поэтому можно и помолчать, дать волю рукам и губам, а звуки издавать не обязательно. И я поняла – он страдает. Амир в ужасе от того, что я увидела его истинную внешность. Его пальцы слегка подрагивали, а губы постоянно касались моего лба. Я не знала, как его успокоить, какие слова ещё найти, чтобы он понял – я не боюсь его никакого, я его люблю.

Эту песню мы с Фисой иногда пели вечерами в горах. Вернее, её пела Фиса, а мы с Мари слушали, подперев щеки ладонками. Почему-то именно она сейчас вспомнилась, и я тихонечко запела:

Лучше нету того цвету, когда яблоня цветет,
Лучше нету той минуты, когда милый мой придёт.
Как увижу, как услышу, всё во мне заговорит:
Вся душа моя пылает, вся душа моя горит.
Мы в глаза друг другу глянем, руки жаркие сплетем,
И куда – не знаем сами словно пьяные бредем.
А кругом сады белеют, а в садах бушует май,
И такой на небе месяц – хоть иголки подбирай.
Мы бредём по тем дорожкам, где не кошена трава,
Где из сердца сами рвутся незабвенные слова.
За рекой гармонь играет, то зальётся, то замрет...
Лучше нету того цвету, когда яблоня цветет.¹

Амир гладил меня по волосам и вздыхал, я попыталась посмотреть на него, но он не позволил – прижал мою голову к груди и продолжил вздыхать. Я не выдержала этих вздохов и спросила:

- Ты отвезёшь меня домой и уедешь?
- Нет. Я останусь с тобой.
- Поплаваешь со мной?
- Да.

Именно этот совершенно домашний разговор успокоил Амира, он перестал вздыхать и коснулся губами моего лица.

- С тобой я научился получать удовольствие от воды. Мне нравится с тобой плавать.
- Правда?
- Правда. Всё, что связано с тобой – удовольствие.

Он странно произнес это слово – «удовольствие», подумал немного и продолжил:

– У Тёмных нет чувств. Когда я... стал обычным вождем, мне не хватало чего-то, я не понимал своих ощущений, но точно знал – я чего-то лишился.

Молчание длилось долго, а я замерла и лишь иногда позволяла себе вздохнуть, боялась, что Амир больше ничего не скажет.

– Рина, ты изумительная человеческая женщина, которая смогла научить глупого, старого вождя ощущать удовольствие. Я из своей жизни вождя... человека помню лишь одну радость...

Амир опять надолго замолчал, я не выдержала его молчания и прошептала:

– Море.

– Да... море. Благодаря тебе снова ощутил... когда мы неправильно управляли кораблем, рулили... сейчас я понимаю, что забыл об этом на шестьсот лет.

¹ Песня «Лучше нету того цвету». Слова М. Исаковского

Тихо засмеялся и провёл пальцем по щеке:

– А женщину познал впервые...

Я покраснела до состояния кипения крови во всём организме, а муж чмокнул меня в нос и прошептал:

– Любимая... единственная женщина... человек... невероятная женщина и Тёмный.

– Амир...

– Я ужасный Тёмный. Монстр...

– Ничего страшного... мог и раньше показаться.

Мой голос был хриплым от такого резкого перехода, я закашлялась, и Амир сразу приподнял меня.

– Дыши...

– Ага... дыши... а как дышать, если ты... то, значит, красавица, а то не могу с людьми жить...

– Рина...

– Ты ужасный монстр. Понял?

– Я знаю.

– Ничего ты не знаешь. Но сейчас я с тобой говорить не буду. Вымоюсь от этих звёздочек, поем и всё тебе скажу.

Закрела глаза и изобразила обиду губами, но на самом деле ушла от разговора. Слишком много сегодня произошло, надо как-то это всё переварить, прежде чем разговаривать с Амиром. Он нежно коснулся моих губ и прошептал:

– Хорошо, я буду готовиться к разговору.

И ослепительно улыбнулся. Я едва удержалась, чтобы не хихикнуть – только что говорил о монстризме, а уже целуется. Вот как с таким мужем серьёзно разговаривать?

Больше мы не говорили, Амир только прижимал меня к себе и время от времени задумчиво смотрел в окно. А я вспоминала встречу с Собирателями. Вернее, Тёмных на этой встрече. Я действительно их не боялась: ни гигантских размеров, ни когтей, ни клыков. Хотя... впечатление на самом деле было сильным. Это я сейчас понимаю, а в тот момент ни о чём не думала, знала – за этими мордами, как за масками, знакомые лица тех, кому доверяю. Как ирокез Андрея, который на самом деле хохолок курицы со щупальцами. Удивительный эксперимент Природы – создать хищников в абсолюте похожих на свои жертвы. Только в определенные моменты опасности... и приёма пищи... вот почему при мне никто не ест! Не только потому, что кровь – они меняются в этот момент! Принимают... как правильно выразиться... средство для восстановления организма и появляется тот облик, который... в котором их создала Природа. От этого открытия я заволилась в одеяле, мне захотелось подвигаться, и Амир сразу спросил:

– Рина, что случилось?

И что я ему скажу? Что всё поняла о его страхе? О множестве его страхов?

– Ничего. А скоро мы приедем? Хочется в бассейн.

– Мы дома.

В своих мыслях я не заметила, что машина уже стоит. Амир перенёс меня сразу в бассейн, развернул из одеяла и опустил в воду. А сам медленно снял порванный костюм, долго его рассматривал, потом скомкал и раздражённо бросил в угол:

– Урод.

– Ткань бракованная?

Мой хитрый взгляд и приподнятая кокетливо бровь заставили его одним прыжком броситься в воду. Амир выплыл рядом со мной и ослепительно улыбнулся:

– У меня много костюмов.

А потом началось действо под названием – мы плаваем. Муж обхватил меня руками и носился как торпеда, иногда вылетая из воды почти до потолка. Время от времени я повизгивала, но больше от удовольствия, чем от страха. Наконец, Амир остановился в своём стремительном движении, усадил меня на бортик и усмехнулся:

- Места маловато.
- Ты обещал, что будем плавать в море.
- Будем.

А у самого глаза стали такими тоскливыми, что я прикрыла их ладошками, и он опустил голову.

– Амир, море же скоро нагреется, можно мутантов попросить нагреть заливчик, и купаться. Собиратели не помешают... ведь не помешают?

- Нет. Уже нет.
- Ты что-то знаешь?
- Вито провёл с ними переговоры.
- Вито?
- Невротический истерик договорился по всем пунктам.
- Амир... я зря так сказала...
- Он на тебя кричал.
- Я сама тогда... и потом...
- Сама.
- Не называй его больше так... и Мари обидится.

Амир хитро на меня взглянул, улыбнулся и не выдержал – расхохотался на весь дом.

– Ну, Амир, ну, пожалуйста, я глупая... теперь над ним все будут смеяться.

Бровь приподнялась, и взгляд стал взглядом вождя – кто посмеет смеяться над его преемником? Только сам вождь. Я вздохнула и отвернулась от него, конечно, сама виновата, но и он должен был... а что должен был? Почему он всегда в ответе за мои глупости?

- Я не буду Вито называть невротическим истериком.
- Это я истеричка! Он же не виноват, что я истерики закатываю на пустом месте...

Сказала и задумалась – не на пустом, на самом деле я в те моменты думала об очень важных для себя вещах. Амир рассматривал моё лицо внимательным взглядом, а потом поднял руку и коснулся щеки горячими пальцами.

- У тебя не бывает истерик на пустом месте.

И я кивнула головой, ему можно в этом признаться – не бывает.

- Я не слышал тебя, не понимал... Тёмный не может понять человека.

Амир подчеркнул слово, и я подняла на него глаза – без разговора не обойтись, иначе он сам себя утопит в страдании.

- Ты принесёшь для меня еды?
- Да, ты же голодна.

Муж не удивился, что я не хочу идти в столовую – помнил об обещанном разговоре и ждал его.

Вкусно пообедав, я усадила Амира на диван в будуаре, встала перед ним и спросила:

- Ты готов меня выслушать?
- Готов.

А сам побледнел до синих прожилок на лице. И чего он так боится, если я ему уже сто раз говорила, что люблю его? Заложив руки за спину, я прошлась несколько раз, а он следил за мной тёмными глазами. Наконец, встала перед ним и сделала лицо строгой учительницы.

- Амир, ты монстр, настоящий монстр.
- Монстр.
- Великий и ужасный.

Он кивнул, подтверждая, но взгляд изменился, в нём проявилась синева – вспомнил мой рассказ о Гудвине.

– И знаешь, почему ты монстр?

– Знаю.

– А вот и нет! Ты вождь и Тёмный, сам говоришь, что Тёмные не понимают людей!

– Сегодня ты видела монстра.

– И что я видела? Стояли и стояли, я и не видела ничего – колпак натянул, запихнул в скафандр, варежки... а вот Андрей, вот тогда я испугалась, даже извиняться пришлось... Но я о другом.

Я надула щёки, не удержалась и прыснула, захихикала и постучала пальчиком по лбу:

– Ты монстр, потому что постоянно придумываешь разные глупости, и заставляешь меня страдать.

– Рина...

– Конечно, я страдаю! Значит, я тоже монстр – то синяя, то лысая, а сейчас что? Узнать невозможно, волосы дыбом, лицо кошмар! А ты стоишь, в смысле сидишь, весь такой красивый... а монстра какого-то придумал! Это ты мне намекаешь, что я такая ужасная!

– Ты прекрасная человеческая женщина...

– Ага, в этом всё дело! Ты мне не доверяешь.

– Я верю тебе.

Его взгляд поразил меня, я вдруг поняла – именно сейчас он решает для себя есть ли у нас будущее. В этом взгляде было столько сомнения и какого-то внутреннего ужаса, что у меня свело губы. Весь шуточный разбор, который придумала, вылетел из головы, я опустилась перед ним на колени и прошептала:

– Амир, я люблю тебя... правда люблю...

Он попытался поднять меня, но руки подрагивали, и я схватила его ладони.

– Я никогда никого не любила, я была как ты... женщина без любви. А потом всё случилось, и ты появился... такой...

С трудом двигая губами, Амир проговорил:

– Монстр...

– Мужчина, который смотрел на меня и искал мою душу... искал... надеялся найти. Ты тогда так крикнул, и я поверила – ты никогда меня не убьешь, что я тебе нужна больше своей жизни... я тебе сразу поверила, а потом... потом я со своими страхами... а тебя виноватым делала, хотя ты... ты меня спасал от Пустоты...

Амир подхватил меня на руки, и я прижалась к нему.

– Понимаешь, во мне всегда жила пустота, она ведь не только от боли бывает...

– Прости...

– Нет, Амир, нет, мне боль помогла... я многое поняла... потом поняла...

– Рина...

– Подожди... дай мне сказать. Тебе сложнее на самом деле... Амир, я давно хотела тебе сказать... ты каждую минуту со своей жадной боролся, а я всегда рядом... скандалы тебе устраивала по глупости. Ты прости меня... я совсем не понимала, как тебе со мной сложно, потому, что я просто есть... дышу рядом.

Я приложила палец к его губам и не позволила говорить, даже головой покачала:

– Ты для меня всегда был человеком, мужчиной, настоящим мужем.

Амир поцеловал мой палец и уточнил хриплым голосом:

– Человеком?

– Человеком.

Слёзы не удержались и хлынули волной, я зарыдала, уткнулась в грудь Амира.

– Любимая... прости меня... прости...

– Я помню всё... всё в боли... я бы не выжила... если бы уже не любила тебя... я сама не знала, что люблю... а уже любила. И ты меня любил! Ты не знал ещё, совсем не понимал, а уже любил!

– Я люблю тебя, любимая моя, я люблю тебя...

– Твоя любовь сделала тебя человеком, ты человек, с того мгновения, как полюбил меня, никакой не Тёмный, любовь приносит только свет, слышишь – Свет! Никакой зверь не сможет победить этот Свет в твоём сердце... никакая кровь не заставит тебя забыть мои глаза, мои руки, мою любовь...

– Рина, это твой Свет...

– Это твоя любовь! Твоя! Или ты сомневаешься в себе? Ты не любишь... меня... да?

Едва смогла проговорить эти слова, стала замерзать мгновенно, и Амир крикнул:

– Рина! Я люблю тебя!

– По... почему сомневаешься?

Амир полыхнул волной энергии и быстро заговорил:

– Любимая, самая прекрасная женщина, самая любимая женщина, единственная... Я люблю тебя, я причинял тебе только боль, невероятную боль тела и сердца, я не понимал тебя, обижал...

– Оби... обижал... Люську эту...

– Люську?

– Да... обнимался с ней... а сам... мол только ты, а сам с Люской целовался.

Он замер, сложил в голове события и с трудом догадался:

– Люси?

– Люська.

– Прости...

– Ни за что! Твои клыки и когти ничего не значат по сравнению с этой Люской!

Я что-то ещё изрекла в адрес несчастной Люси, а сама в душе радовалась растерянному лицу Амира – не позволю ему рухнуть в очередной монстризм. Ревность лучшее лекарство, тем более, что сам он меня ревнует ко всему.

– Но хочу тебе сказать, что ты молодец.

– Молодец?

Амир уже не знал, чего от меня ожидать и смотрел взглядом готового к обороне вождя. Я притворно вздохнула и опустила голову. Жаль, но придётся признать – больше мне его ревновать не к кому. Хорошо, что хоть Люси тогда появилась.

– Повод был всего один... одна женщина...

– Ты единственная моя женщина, самая любимая...

– Конечно, я тебя ревную! Как я могу быть в тебе уверена, если сама уже неизвестно какая...

– Ты самая прекрасная, самая удивительная...

– Ну, да, где ещё такую найдешь...

– Рина, я люблю тебя.

Он опустил голову и спрятал глаза, длинно выдохнул воздух и признался:

– Я ужасный монстр невероятной силы... урод с когтями и клыками... питающийся кровью... человеческой...

– Ты восстанавливаешься донорской кровью! Донорской! Амир, я не хочу ничего знать о твоём прошлом, сколько бы... чего бы там не было... я люблю тебя сейчас, понимаешь – сейчас.

И неожиданно для себя призналась:

– Я увидела тебя... такого... и хорошо, что сейчас. Я знаю твою душу и внешность уже ничего не значит. Амир, я поверила тебе, поверила в твою любовь... и даже если ты всегда

будешь таким, то пусть будет... только целоваться неудобно. Ничего... научусь... ты же всему учишься, приноровимся как-нибудь. А летать ты таким можешь? Вот! Я хочу летать! Ты умеешь столько всего, а я ничего не умею...

– Рина, ты такая удивительная... я не могу выразить словами свои чувства...

– А ты вообще редко разговариваешь.

Я опять изобразила обиду, надо отвлечь его от монстризма и обратить внимание на наши отношения, он должен понять, что это важнее – ведь я отношусь к нему как к человеку, соответственно и требования предъявляю человеческие.

Амир хмыкнул, погладил меня по плечу и честно признался:

– Ничего интересного в моей жизни...

– Интересного – кому? А шестьсот лет? Мне всё интересно! Всё! Что делали, как жили хасы... ты сам сказал, что книги по истории неправильные. Ты везде был, всё видел, а я из своего города никуда не выезжала, а тут такое! Ты столько в своей жизни видел: гномы, ведьмы, всякие люди, принцессы кучками... оборотни!

Глаза сверкнули яркой голубизной, и я обрадовано вздохнула, но вопрос Амира меня шокировал:

– А ты расскажешь мне о своей жизни?

– Я?

– Да.

– В ней ничего интересного...

– Интересного – кому?

Он повторил мой вопрос и улыбнулся:

– Я Тёмный и не знаю жизни человеческой женщины. Мне всё о тебе интересно.

– А принцессы? Ты же был столько раз женат...

Моя приподнятая бровка и вопросительный, очень и очень ехидный взгляд развеселили арабского шейха – глаза стали неприличными, сладко-умильными, а губы растянулись в улыбке, которая обещала страстный поцелуй. Но ответ меня опять поразил:

– Меня интересовала конкретная информация. И она к принцессам не имела никакого отношения.

– Но ты же с ними разговаривал...

– Двойник заменял меня через десять дней. Реже больше.

– Так быстро...

– Я вычислял возможность получения информации и уходил.

– Подожди... значит, ты сразу готовил себе двойника?

– Сразу. В течение этих дней он иногда заменял меня.

Конечно, когда Амир забыл свои чувства, считал, что много со мной общался.

5

Утром я лежала и размышляла о том, что мужчина, который хочет понравиться женщине, даже не просто понравиться, а завоевать её, может стать другим человеком. Мы проговорили до глубокой ночи, Амир оказался удивительным собеседником – умным, тонким слушателем, не совсем то слово, но я не знаю другого, которое бы объяснило его поведение. Я рассказала ему о себе всё. Все свои страхи, начиная со смешных детских, заканчивая рыданиями о вечном одиночестве души. А он за моим ужином весело показывал сценки из жизни греческих купцов, с которыми плавал на какой-то остров. И вообще много рассказывал о море, своих путешествиях. В глубине души я понимала, что это игра, муж старательно пытается соответствовать моим требованиям человеческого общения, но глаза сверкали яркой голубизной, а улыбка и смех заражали.

И уже ночью, когда муж заявил, что мне пора спать, я не удержалась и упрекнула его:

– Амир, и почему нельзя было со мной вот так раньше поговорить? Просто поговорить, не дожидаться очередной моей истерики, рассказать о чём-то самому, спросить меня на крайний случай... почему ты со мной не разговаривал?

Он ответил сразу, поднял на меня тёмные глаза и признался:

– Я не знал, о чём с тобой говорить.

– Не знал? Я такая глупая?

– Не глупая... я боялся, что тебе не интересно говорить со мной.

И что на это сказать? Легче молчать и отворачиваться, а ещё лучше исчезнуть, чем просто поговорить?

– Поэтому и не разговаривал?

– Поэтому.

Я подозрительно спросила:

– А может, тебе самому со мной было не интересно?

Амир тихо засмеялся и поцеловал мне пальцы.

– Я пересматривал твои разговоры по нескольку раз... но когда приходил к тебе, не мог ничего сказать.

Хитро-мудрый вождь и не мог ничего придумать? Моё сомнение опять развеселило Амира.

– Рина, я никогда не знал, как ты можешь отреагировать на мои слова.

А в этом он прав, я сама не знала, что ему скажу, слова вылетали раньше, чем ответ продумывал мозг. И мои оледенения тоже... да, сложно со мной общаться.

Когда я проснулась, Амир чмокнул меня в нос и ушёл по делам, пообещав вернуться к ужину.

– Собиратели?

– Нет.

Вождь ослепительно улыбнулся, вот уж о делах он мне рассказывать точно не будет. А теперь я лежу и думаю о нас. Мы – вот и наступило то время, когда я могу сказать о нас это удивительное слово. Амир и я, я и Амир. Никогда и ни о ком я так не думала, то есть говорила, конечно, но вот так – в полном единении ощущения любви душой и телом – ни о ком. И эта мысль возникла не потому, что Амир наконец стал со мной разговаривать – особой надежды на то, что он теперь всегда так будет со мной общаться у меня нет – но что-то вчера произошло и это что-то изменило нас обоих. Как будто мы заново друг друга увидели, посмотрели в глаза и ощутили боль души.

Какими глазами Амир смотрел на меня, когда я сквозь слезы рассказывала о своём вечном одиночестве: кругом люди, а ты всё равно чувствуешь себя одной на всей земле. И этот взгляд показал мне, что он чувствовал себя также все свои шестьсот лет – глаза постоянно меняли цвет и то становились совершенно чёрными, то блистали неожиданной яркой голубизной. А губы о чём-то рассказывали, они подрагивали и, казалось, признавались в своих тайнах вечного одиночества. И только сейчас я поняла – история с купцами тоже признание в своём одиночестве. Амир так весело показывал мне каждого морского волка, очень точно изображал движения и выражения лиц, как будто тосковал по этой компании простых людей, живущих в постоянной опасности существования на море. Тёмный, обладающий невероятной силой и способностью восстанавливаться, практически бессмертный по сравнению с ними, вождь и кланы, чувствовал себя в этой компании обычным моряком. Человеком. Я вспомнила его выступление на турнире в Англии, там он тоже был воином, не Тёмным, а вождём, человеком – хасом. Лиза права, Амир сохранил в себе человека за все свои сотни лет существования в теле Тёмного.

Заставив себя подняться, долго плавала в бассейне, никто ко мне не пришёл, и я была рада этому. Всё потом, сейчас только мы, ведь на самом деле именно сейчас рождается наша семья – Амир и я. Или – я и Амир? Интересная мысль, впервые я поставила себя на первое место. А почему нет? Ведь именно моё появление и вернуло Амира-человека, всколыхнуло его воспоминания и ощущения. Это его стремление спасти меня так на него подействовало, всё внутри перевернулось – стремление души победило сущность зверя. А во мне, обычной человеческой женщине всё выжгли Боль и Пустота, и я тоже смогла измениться, принять этот таинственный мир. И я очень надеюсь, что Амир поверил мне, моей любви.

Выбравшись из воды и устроившись на скамеечке, я вдруг вспомнила, как Амир кинул свой костюм в угол. А потом назвал себя «уродом», не монстром, а именно «уродом», то есть физически неполноценным... и это он о себе?! Я вздохнула и взмахнула руками, удивительно, как неожиданно могут реагировать мужчины на свою внешность. Мне доказывает, что я красавица неземная хоть в каком виде, полосатом и всех цветов радуги, с волосами как шапка инопланетянина, а сам так расстроился, когда я увидела его истинную внешность, на самом деле даже не увидела, а смогла заметить кусочек. Тот его вид, который он больше мне добровольно не покажет. Никогда бы не подумала, что именно собственная внешность так его беспокоит. Точно – артист.

– Лебёдушка, вылезла из водицы, Федя уже вокруг стола круги нарезает, а ты все сидишь и сидишь.

– Фиса, скажи честно, ты Роберта видела... ну, то есть он тебе себя показал... такого... прости...

– Ты чего это? Чего опять надумала?

– Скажи, мне нужно знать.

Она подошла ко мне и схватила за руку, тревожно взглянула в глаза.

– Рина...

– Скажи.

– Показал.

– Сам?

– Сам. Вот, изрёк, какой я урод рядышком с тобой посмел встать.

Я кивнула, значит, это их общее мнение о своей внешности. А Фиса спросила шепотом:

– Неужто испугалась?

– Да Амир сам себя испугался! Я и не увидела ничего, ну, большой, так и всегда не маленький – метром больше или меньше уже не важно! Клыки и когти я уже видела, так себе когти... А он костюм как кинул, тоже уродом себя обозвал, это он, понимаешь?!

Дёрнув себя за волосы в виде антенн, я вытянула ногу, хлопнула себя по животу и заявила Фисе:

– А мне тогда что?! Он такой только иногда бывает, а я-то всегда! Хорошо хоть волосы немного улеглись и глаза не как у сумасшедшей!

Фиса присела рядом со мной, внимательно рассмотрела моё лицо и кивнула – в норму вошли, только потом вздохнула:

– Родя на колени встал, руку мне... мол, прости, уж такой родился... а я... а я... Рина, ведь ведьма старая, а токмо одна мысль и была – неужто уйдёт, неужто бросит...

– Так я об этом и говорю!

От дверей послышался голос Мари:

– Вито тоже переживает.

Подойдя к нам, она села на скамеечку и обняла меня. А я уточнила животрепещущий вопрос:

– Уродом себя обзывал?

– Обзывал. Сказал, что я не могу такого любить.

– Тебе легче, он хоть сейчас...

– Рина, он это вчера сказал, когда вернулся после встречи с Собирателями.

И они с двух сторон посмотрели на меня, как явную виновницу переживаний грозных иродов. Я растерянно пожала плечами:

– А разве они вам не рассказали...

– Ни слова.

– Дак Родя токмо и был всего ничего, да обратно по делам уехал.

Мари кивнула и доложила:

– Вито тоже почти сразу уехал.

Выходит, что вождь всех по делам разогнал, а сам со мной беседы вёл. Я вздохнула и начала рассказывать:

– Это я во всем виновата...

– Вот что, иди-ка красавица, накинь халатик, простынешь ишо, да поесть тебе надобно. На кухне и рассказ свой изречёшь.

Но в столовой я сначала обняла Фреда, чем ввела его в краску и немыслимое смущение, и поблагодарила за подвиг. Он долго не мог ничего сказать, только передвигал блюда на столе. Лишь когда уже уходил, подошёл ко мне и поцеловал руку:

– Благодарю тебя, жена вождя, вождь показал мне запись.

И быстро ушёл. Я не поняла, какую запись он имел в виду, и, вспомнив, догадалась, что она сначала прошла цензуру Амира, и только с его разрешения её показали Фреду. Но Фису такие нюансы не интересовали:

– Изрекай.

Мой рассказ произвёл на Мари и ведьму сильное впечатление. Несмотря на то, что я больше махалась руками и говорила не о Собирателях, а о том, как вели себя вождь и остальные Тёмные, вывод Фисы меня поразил:

– Спасла ты их.

– Детей?

– Всех.

Мари тоже не поняла Фису, пожала плечами и подвигала стаканом, не выдержала и спросила:

– И этих... официальных?

– Энтих наперво.

– Фиса, ещё неизвестно чем всё закончится. Не зря отец уехал, да и Вито с Робертом половину великолепных с собой забрали.

Я вздрогнула и испуганно на неё посмотрела:

– А великолепных зачем?

– Все главы кланов отца ночью были в доме.

– Ах, ты, вот зачем вождь-то меня в светлицу отправил, мол, отдыхай!

Фиса возмущённо взмахнула руками, а я заставила себя успокоиться – Амир вождь, великий воин, грозный Тёмный, поэтому сиди у окна и жди мужа. Вздохнула и уточнила у Фисы:

– Я не поняла, почему я всех спасла? И кого – всех?

Так как Фиса всё ещё гневалась на вождя за то, что он скрыл от неё подготовку к какому-то опасному событию, она долго на меня смотрела, и только выпив свой травяной отвар, коротко ответила:

– Всех.

– Подробнее, пожалуйста. С именами.

Ведьма хмыкнула, налила из чайничка полную чашку отвара, выпила его и обратилась к Мари:

– Машенька, ты скажи... погоду, скидай платье.

– Зачем?

– Скидай говорю... следы знакомства пусть глянет жена вождя.

Платье Мари снимать не стала, но приподняла подол, и я ахнула – вся нога Мари была в мелких синих пятнах.

– Это тебя... Собиратели?

– Проходит.

– Уж чем только не пробовали: и травки разные и мутанты всякие, энергией ихней, Вито да вождь... а смотри ж, всё след синий по телу белому...

– И ты говоришь, что я их спасла?!

– Спасла, милая, спасла.

Фиса погладила Мари по коленке и аккуратно поправила подол платья.

– Путь указала.

Я мрачно взглянула на неё и взяла Мари за руку, всё из-за меня, она пострадала за то, что я влезла в разборки Собираателей с новым поколением.

– Никакого пути не указывала, раскричалась... но я им сказала, что только если посмеют кого обидеть...

– Тепереча не посмеют.

– Вождь им своё мнение высказал, он...

– Его слово воина да вождя, токмо твоё решение.

– Так уж меня и испугались...

– Не испугались, путь, указанный тобой...

Взмахнув рукой, я уронила чашку, какао разлилось по скатерти, от этого настроение у меня совсем испортилось, и получился крик:

– Да какой путь!

– Вид свой сохранить.

Как-то у меня плохо получается понимать Фису, когда она так резко переходит на современные слова в своей речи. Я растерянno посмотрела на Мари, и она уточнила:

– Какой вид?

– Вид созданий Матушки-земли. Она их такими создала да тыщи лет сохраняла, чтобы по пути шли, а тепереча путь другой. Ты его им и указала. Тем спасение.

Пожалуй, в чём-то она права – эти дети пришли, не так, природа изменила новое поколение, а старые не поняли, посчитали их врагами, даже не врагами...

– У них нет продолжения... обычных детей, которые всегда появлялись... волна новой энергии создала новых будущих Собираателей, а они не поняли.

– Истинно говоришь. А ты им и изъяснила – коли не поймёте, то конец вам как виду живых существ. Ты новых под своё крыло лебединое приняла, Соню спасла с сестрами да Силу им дала немислимую, уму-разуму научила.

А вот с этим Фиса погорячилась, уж чему, а уму-разуму я точно никого не учила. Она же сама меня всегда глупой курицей обзывала.

– Рина, ты на меня глазками-то ясными не сверкай. Сердце у тебя умнее головы, коли ему волю даешь, так... хотя, и с ним...

Фиса обреченно махнула ручкой, а я расхохоталась – Фиса есть Фиса. Мари взяла меня за руку и внимательно посмотрела в глаза.

– Мари, со мной всё хорошо... ума только маловато...

– Рина... Вито вчера сказал...

Она вдруг опустила голову, а я испугалась – вот и вылезло это глупое определение, права Фиса, я курица.

– Мари, прости меня, не надо было так говорить, я только хотела их отвлечь... они вдруг на колени встали, и я... Мари прости, Амир сказал, что больше никогда Вито так не назовёт...

Фиса встрепенулась и грозно спросила, сразу вступившись за своего любимца:

– Как парня обозвала? Чего такого изрекла?

– Ну... однажды мы ехали... я тогда... а Вито... ну я его и обозвала...

– Истерический невротик.

Мари улыбнулась, потом тихо засмеялась, а Фиса только глаза к планетам подняла, чтобы самой не сказать разных интересных слов.

– Я не знала, что делать, они на колени передо мной встали...

Мой виноватый взгляд произвёл на ведьму неожиданный эффект – она улыбнулась мягкой улыбкой:

– Так они ж тебе... бабе человеческой, которая страха перед ними не имеет, на защиту встаёт, вождя любовью своей наградила, надежду зверству всему показала, спасение да Свет. Нету у них умения сердце своё перед тобой распахнуть, которое уже кровью истекает да радостью полнится. Ты для них спасение.

– Вито вчера сказал, что ты его не испугалась... его когтей...

– Мари! Это же Вито! Как я... я же знала, что это они... все они – Роберт, Олаф, Виктор... неужели я могу их испугаться?!

– Ты никого не боишься.

В дверях стоял Олаф. И почему-то я именно сейчас обратила внимание на то, какой он большой. Представив его рядом с Амиром, поняла – они внешне одинаковые, и ростом, и шириной плеч. Пожалуй, Олаф даже массивнее. Он подошёл к столу и неожиданно опустился передо мной на колени:

– Приветствую тебя, жена вождя.

– Здравствуй, Олаф.

– Позволь сказать.

– Тебе не нужно моё разрешение... говори.

Олаф поднялся и отошёл на несколько шагов, расправил плечи и внимательно посмотрел на нас строгим серьёзным взглядом. Фиса сразу напряглась и, сделав лицо важной тётушки при молодых девицах, спросила:

– Ты чего это надумал? Смотри, как вождь рассердится...

– Я спросил у Амира разрешения говорить с Риной.

А вот это серьёзно, мы переглянулись и уже в шесть глаз ждали продолжения. Мари вдруг подскочила и собралась уходить:

– Рина, у меня дела, Фиса, пойдём...

– Не уходите.

Олаф опустил голову и вздохнул:

– Я хочу вам всем сказать.

Фиса не удержалась в своем ехидстве и уточнила:

– А с вождем-то токмо об Рине договаривался?

Но Олаф был не так прост – таким же тоном спросил Фису:

– Мне у Роды спросить, вдруг он не разрешит с тобой словом перекинуться?

И уже хотел что-то сказать Мари, но она его опередила:

– Говори.

Дочь вождя в полном расцвете сил: внимательный взгляд, уверенная поза и чуть ироничная улыбка – конечно, она замужняя женщина, но решение говорить или не говорить с кем бы то ни было принимает сама. Всё-таки у неё свои отношения с великолепными, кровь отца, как она тогда сказала – полный дом кровинушек. Маленькая растерянная девочка превратилась в настоящую спутницу преемника вождя и готова управлять империей отца. Почему я так подумала? Значит – может, такие мысли у меня просто так не возникают.

Олаф ещё раз задумчиво осмотрел нас и вздохнул, Фиса не выдержала:

– Да уж изрекай!

И последовал рассказ о предательстве всех, кого он мог и хотел любить. Олаф говорил, не двигаясь и не опуская глаз. Он родился горбатым, кривобоким, с левой ногой значительно короче правой и заячьей губой. Родители сразу продали его в цирк уродов, где матерью ему стала бородатая женщина.

– Да как же с бородой-то...

Олаф усмехнулся и перевёл взгляд на меня, видимо, как на образец постоянно меняющейся внешности:

– Люди бывают разные.

Фиса только сокрушенно покачала головой, но Мари не спускала с него глаз – её такими рассказами не удивить. А я окинула его взглядом – это он был горбатым и кривобоким?

– Я выжил. И в возрасте двадцати лет решил посмотреть на свою семью. Отец погиб в войне с Польшей, мать горевала недолго, снова вышла замуж и уехала в имение нового мужа, всем заправляла сестра.

Подошёл к Фисе и убрал руки за спину.

– Ты ведьма, лекарка... знаешь, что бывает с беременной женщиной, когда она падает с лошади...

– Да какая ж дура-то, ребёночка небось сгубила!

– Выжил, это была моя мать.

– Так ты из-за этого таким уродился...

– Она очень любила верхом скакать по рощам.

Первой его предала мать, он ей был не нужен – мешал весело проводить время. А потом предала сестра.

– Маришка уговорила меня остаться дома. Всё повторяла, что я её единственный родной человек, а потом продала местному колдуну.

– Силу он в тебе учуял! Рода всего Силу! У... стерва...

– Оказалось, что он сразу пришёл к Маришке, как только я вернулся.

Олаф в полной тишине прошёлся по столовой, несколько раз поднимал глаза на планеты, потом решительно вздохнул и обратился ко мне:

– Рина, я был созданием своей матери и воспитанником цирка... никогда не верил, что смогу полюбить, такой не имеет права любить.

– Олаф, любовь...

Он не дал мне возможности договорить, спокойным голосом продолжил:

– У колдуна не получалось забрать мою Силу, что-то шло не так, ритуалы не действовали. Он обращался со мной хорошо, часто повторял, что я ему не слуга, а друг. У него была дочь – очень красивая девушка, тихая, всё с книгами какими-то уединялась, а я грамоты не знал.

Странно он сказал последнюю фразу, что-то она значит в его повествовании. Так и оказалось:

– Агнешка всё чаще со мной гуляла по берегу пруда, помогала по хозяйству... яблоки любила собирать.

– Погодь... не та ли Агнешка, волос такой, как седина?

– Она.

– Олесь... так она же...

– Агнешка была дочерью своего отца.

Я не выдержала и закрыла руками лицо – она его предала, по указанию отца заставила его себя полюбить и предала. Твёрдые пальцы убрали мои руки и Олаф жёстко произнёс:

– Рина, не переживай – от того Олесь ничего не осталось.

– Осталось! Ты остался! Душа твоя израненная!

Он резко встал с колена и отошёл к стене. Я хотела сказать ещё что-то, но Мари схватила меня за руку, а Фиса зашипела на Олафа:

– Что ты, что ты...

– Фиса, пусть говорит... я дышу. Мари, я дышу. Олаф, говори.

Тёмные глаза стали совсем чёрными, и он быстро сказал:

– Говорить особо нечего.

– Она вышла за тебя замуж?

– Да.

– И ты отдал ей Силу?

– Не успел... Агнешка всё говорила о любви, но не смогла меня поцеловать. Из петли меня достал Амир.

И вдруг жёсткая усмешка изменила всё лицо, оно стало похоже на маску ужаса в театре:

– Кровь Амира победила моё физическое уродство – клыки и когти ничто по сравнению с тем, каким я был в человеческом обличье.

Конечно, он мне не доверял, беспокоился за Амира, что я разобью ему сердце, как когда-то с ним это сделала Агнешка. Я встала и подошла к нему, Олаф вытянулся во весь свой гигантский рост, но понял, что для меня высоко и опустился на колено. Положив ему руки на плечи, я прошептала:

– Она обязательно придёт.

– Кто?

– Она. Она уже ждёт тебя, как я ждала Амира. Ты её жди, а ещё лучше – ищи её, смотри вокруг, ведь женщине сложнее первой подойти к мужчине. Посмотри на Фису...

Я оглянулась на неё, а она повела плечиком и только залепетала:

– А что я, всегда ведьма во всём виноватая...

– Ты же видел, как они с Робертом друг друга мучили, а всё потому, что Роберт не позволял себе...

– Ой, уж, сама на себя глянь...

– Мы с Амиром отдельная история... хотя, почему отдельная? Такая же. Поэтому, Олаф, у тебя есть несколько примеров развития событий, анализируй, делай выводы.

И засмеялась – Олаф то бледнел, то краснел, хлопал глазами и растерянно оглядывался, не совсем понимая, о чём я говорю. Мари тоже засмеялась, и куда делась дочь вождя, юная влюблённая девушка, счастливая в своей любви:

– Вот, Олаф, судьба твоя и решилась.

А он не выдержал, хриплым голосом спросил:

– Кто... она?

– Ну, тебе ещё имя назвать, да фотографию показать... хотя, неси карту.

Я сама не понимала, откуда во мне вдруг появилась такая уверенность, что точно могу указать место, где живёт судьба Олафа, но поддалась этой радостной волне и заявила:

– Жена вождя укажет тебе направление поиска.

И Мари меня поддержала:

– Олаф, пользуйся шансом.

Да и Фиса восторгалась:

– Олесь, беги за бумажкой-то, пока пальчик Рины не остыл, она такая – то палец зудит, то колено.

Олаф не двигался, и я попыталась потрясти его за плечи, но ничего из этого не получилось, потому как он превратился в статую. Мари хихикнула и приказала:

– Виктор, карту.

В столовой появился Виктор и направил пульт на планеты, Земля опустилась над столом и на её поверхности проявились континенты. Ойкнув, я подошла к столу, подняла палец, но тут же его опустила:

– Виктор, а нельзя как-то её увеличить... Олаф же не будет по всей Африке бегать...

– К неграм-то не отправляй, ты уж девицу ищи покраще...

– Фиса, судьба – так судьба, какую невесту жена вождя найдёт, на той Олафу и придётся жениться.

Мари откровенно расхохоталась, а Виктор улыбнулся, явно рад, что не ему невесту ищет эта весёлая женская компания. Он понажимал кнопки на пульте и объяснил:

– То место, куда ты укажешь, будет увеличиваться в масштабе...

Радостно я ткнула пальцем в изображение и попала именно в Африку, Фиса сразу возмутилась:

– Рина, убери перст-то оттедова!

На радость Фисе я действительно ничего на этом континенте не почувствовала, Америки тоже никак не отреагировали, а вот Индия полыхнула жаром, и я испуганно убрала палец. Мари сразу вскочила:

– Рина, что с тобой?

– Горячо... Олаф... она в Индии...

Осторожно приблизила палец к изображению, и карта изменилась, появилась точка с названием города – «Фаридабад». Тепло от букв на карте ощущалось плотной волной, и я радостно заявила всем:

– Судьба Олафа живёт здесь!

Мари вдруг кинулась ко мне, схватила за руки и крикнула:

– Энергия, Рина может потерять энергию! Как я забыла!

Олаф оказался рядом, подхватил меня на руки и полыхнул таким потоком, что я задохнулась:

– Всё... хорошо... жарко...

– Дыши! Токмо дыши!

– Всё хорошо... отпустите меня!

Я попыталась освободиться из рук Олафа, но он всё сильнее прижимал меня к себе. Фиса одумалась и скомандовала:

– Олесь! Сломаешь берёзку, усади на стул, отпусти, я сказала!

Наконец и Мари поняла, что со мной всё в порядке, громко приказала:

– Олаф, отпусти Рину.

Дисциплина сработала – Олаф медленно опустил меня на стул. Я облегченно вздохнула, пришлось даже руками помахать, чтобы потратить хоть часть энергии Олафа. Успокоившись, я заявила:

– Не надо так за меня бояться, я никому не передаю никакой энергии, я же только ищу невесту Олафу...

И сразу стала заваливаться со стула, Олаф подхватил меня на руки, а Мари крикнула:

– Лан!

Придя в себя в скафандре и шлеме, я попыталась оглядеться, и появилось лицо Лана.

– Рина, как ты себя чувствуешь?

– Собиратели пришли? Что-то случилось?

– Ты решила слетать в Фаридабад, а туда без скафандра не долететь.

– Куда? Зачем? Я?

– Фаридабад. За невестой для Олафа. Ты.

Я решила, что на самом деле летим все вместе в Индию, но не услышала гула самолёта.

– Мы уже летим?

Лан отвернулся и мрачно ответил:

– Нет. Олаф один улетел на истребителе.

– А тогда зачем скафандр?

На мой наивный вопрос ответила Мари:

– Чтобы ты истребитель не подгоняла.

– Я? Истребитель... почему?

Она склонилась надо мной и умоляюще попросила:

– Рина, Олаф сам найдёт свою женщину... не надо ему помогать...

– Но я только указала ему место...

– Ты отдала много энергии Олафу и только скафандр остановил процесс. Отец уже едет...

Мари склонила голову и исчезла из поля моего зрения в шлеме, слышался её тихий голос:

– Рина, прости меня, я должна была тебя остановить.

– Маша, не переживай, эту птицу неземную ничем не остановишь! Даже вождь не успеет, а уж нам куда...

Круглое лицо Фисы на мгновение появилось передо мной, затем последовал приказ:

– Скидывай одеяние космическое, травки запрели, пора заливное из птицы готовить.

Но Мари сначала сняла серебристую варежку и проверила мою энергию.

– Фиса, Рина ещё слаба.

– Главное, чтобы посылку Олесю вслед не посылала...

– Фиса...

– Ты вот умишком своим хоть тепереча подумай – как птицу железную догонишь? Сам найдёт, твоего дела нету, токмо сам пусть и изыскивает. Да и жарко в Индиях, взопреешь.

А я только осознала, что Амир едет домой, а Олаф улетел в Индию.

– Мари... а Олаф как полетел в Индию?

Лан издал непонятный звук и доложил вместо Мари:

– Амир послал.

– Чем быстрее найдёт красавишну, тем меньше ты... Машенька, а можа ей в ём и жить?

Ткнула пальцем мне в шлем и противореча сама себе тут же заявила:

– Скидывай... а ты иди, мы сами тут...

Лан бережно уложил меня на постель, оказывается, мы были в спальне, и исчез. Мари с Фисой сняли с меня космическое одеяние, и я облегченно вздохнула. Но Фиса не могла молчать, хотя Мари и укоризненно посмотрела на неё:

– Птица ты наша златокрылая, забрала силушку у зверя, да сразу и выдала ему с добавкой. Мальчонка совсем, девицу без тебя не сыщёт... А пацан этот и ехать не хотел, кабы не вождь...

Ведьма поняла, что очередной раз проговорилась, и Мари, куда деваться, рассказала всё:

– Олаф не сразу понял, что ты ему энергию отдаёшь, пытался помочь. Лан принёс скафандр, и тогда нам удалось остановить поток твоей энергии. Оказалось, что отец в этот момент смотрел на тебя и всё видел, он сразу позвонил и отправил Олафа в Индию.

Мари, наконец, улыбнулась, заметив, что я взмахнула рукой в удивлении:

– Чем быстрее Олаф найдёт свою невесту, тем меньше опасности, что ты снова будешь передавать ему энергию.

Фиса пришла в себя и деловито затребовала:

– Ну, всё, вождь возвратится, а лебедушка крылом взмахнуть не в силах. Машенька, бери девицу, да в отвар, легшее красавице будет...

Мари легко подняла меня на руки и отнесла в ванную комнату, там ожидал отвар из трав. Шутница Фиса – раз курицей обзывает, то и блюдо заливное из меня можно делать.

Всё-таки энергетическая слабость действует на мыслительный процесс. Только когда я полежала в ванне Фисы, а потом поела под её же бдительным оком, мозг начал думать. Мари внимательно следила за моими размышлениями, наконец, не выдержала и спросила:

– Рина, о чём ты думаешь?

– Мари... получается, что я делилась с Олафом энергией для того, чтобы он нашёл свою девушку? А ты знала, что так может получиться... так было у королевы?

– Да. Рина, прости, я не подумала... надо было остановить Олафа...

– Он не причём, всё хорошо, я себя уже нормально чувствую.

– А вождь вернётся, каково? Он уж Лесю-то сказал...

Фиса подняла хитрые глаза к потолку, изобразила ухмылку, а Мари отвернулась и доложила:

– Олафу дан срок – он должен за день найти...

– День?!

– Сутки.

В дверях стоял Амир. Мари подскочила и хотела что-то сказать, но он её остановил:

– Свободны.

Вождь сердит, хотя и пытается сдерживаться. Фиса тоже встала, но удержалась и ничего не сказала, молча вышла вместе с Мари. Я виновато опустила глаза и посмотрела на него только тогда, когда почувствовала горячие пальцы, обхватившие мою ладонь. Амир стоял на коленях перед постелью и склонил голову к моей руке. Слабость ещё давила на меня, но я, хоть и с трудом, погладила его по голове.

– Всё хорошо, Амир, я уже хорошо себя чувствую.

– Рина, я виноват, не предупредил тебя...

– Понимаешь, я всего лишь указала на место, ты же не можешь предугадать всё, что я натворю.

– Должен.

– Не ругай Мари...

– Мари должна понимать, что, когда меня нет в доме – она отвечает за твою жизнь.

Строгий голос и тёмный синий взгляд недовольства. Я изобразила мольбу всем лицом, но он был непреклонен:

– Мари дочь вождя и знает наш мир... она знает многое из того, что происходило с королевой и что может произойти с тобой.

На мгновение он опустил глаза и повёл губами, а потом продолжил:

– Жена преемника вождя хасов должна уметь предугадывать поступки своего окружения.

– Мари просто молодая девушка! Амир, она – твоя дочь! Она не может отвечать за то, что я совершила...

Он не стал спорить, разделся и обернул меня в свое тело, полыхнул энергией, и, чтобы я ничего больше не изрекла – закрыл рот поцелуем. И я решила отложить разговор, пусть успокоится рядом со мной, убедится, что уже чувствую себя хорошо, ничего страшного не произошло.

Когда я проснулась, Амир смотрел на меня взглядом, полным боли и тоски. Он попытался улыбнуться мне, но вместо улыбки у него получилась кривая усмешка. А я сладко потянулась всем телом и заявила:

– Хочу есть.

– Я принесу тебе ужин.

– Уже ужин?

– Обед ты проспала.

– А давай пойдём в столовую.

– Рина...

– Я хорошо себя чувствую... Амир... ну, пойдём...

Мой хитрый взгляд насторожил его, но я сложила губки и чмокнула его в нос, и глаза посветлели.

– Хорошо, пойдём в столовую.

Я действительно легко встала с постели, хотя немного волновалась – вдруг качнусь, и Амир сразу оставит меня в спальне. И устроит разборку с Мари.

Затащив его в гардеробную, я долго примерялась – то это меня не устраивает, то другое. Амир сначала улыбался, потом засмеялся над моими комментариями:

– Амир, посмотри на меня... какое красивое платье, а я в нем Рина-колобок...

– Ты прекрасна...

– Ага, кругленькая Рина-колобок... а это? Смотри, какая красота – узор блестящий, красненький...

Приложила платье к себе, изобразила лицо с глазками и приподнятой бровью, повела обнажённым плечиком:

– Рина – бегония золотистая... полосатая... в крапинку...

На шестом платье Амир не выдержал и расхохотался, схватил меня на руки и выдал своё мнение:

– Мне нравится Рина обнажённая!

– Амир! В столовую же я не пойду такая!

– Никуда не...

– Пойдём!

С трудом вырвавшись из его рук, я надела первое, попавшее в руки, платье и прижалась к широкой груди:

– Амир, я так люблю тебя, мне удалось поднять тебе настроение?

– Удалось...

Страстный поцелуй подтвердил слова и Амир опять взял меня на руки, но я его остановила:

– Подожди... я хочу тебя попросить...

И сразу синий внимательный взгляд, как будто на заседании штаба.

– Амир...

– Я не буду ругать Мари.

– Это не её ошибка! Это я... ругай меня.

Опустив глаза, я вздохнула, прижалась к его груди, всем телом изображая, что жду наказания. Амир тихо засмеялся, но вдруг резко замолчал и руки затвердели. Я сразу подняла на него глаза:

– Что? Амир...

– Ты только из-за Мари...

– Глупый вождь! Ты просто глупый вождь! Я воспользовалась моментом твоего хорошего настроения! Я так хотела, чтобы ты улыбнулся... порадовался, что я хорошо себя чувствую... а ты... а ты... как ты не понимаешь...

– Рина, я люблю тебя.

В столовой за столом сидели поникшая Мари и решительная Фиса. Когда мы вошли, Мари опустила голову, а Фиса встала. Я сразу заговорила, чтобы остановить ведьму:

– Я уже хорошо себя чувствую, правда, Амир?

– Правда.

– И есть очень хочется. Фиса, а чего вкусенького нам приготовил Фред?

Но она обратилась к Амиру, который встал рядом с моим стулом:

– Вождь...

– Анфиса, Олаф уже летит с невестой в указанное место.

Мари вскинула голову, а Фиса рухнула на стул. Я радостно захлопала в ладоши – нашёл, всё-таки Олаф её нашёл!

– А как её зовут? Кто она? Откуда ты знаешь?

Амир засмеялся от количества моих вопросов и ответил сразу на все:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.